

ВИКТОРИЯ
ВИШНЕВСКАЯ

(НЕ) РОДНАЯ МАМА

ОНА - МОЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ

Виктория Вишневская

(Не) родная мама. Она

- МОЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ

<https://litres.ru/74214622>

Аннотация

- Мамочка лучшая! - шепчет моё сокровище, закидывая ягодку в рот. - А у меня мамы нет, - горько произносит новая подруга дочери, опустив взгляд. Да моя ты малышка... Так и хочется обнять, поддержать. Но она тут же вся расцветает прямо на глазах, ударив кулачками по покрывалу. - Но есть лучший на свете папочка! - О, у меня нет папы, но есть мама, - включается доченька. - А у тебя есть папа, но нет мамы! Давай их встречаться заставим, чтобы всё пор-ровну было? Присматриваюсь к двум малышам. Одна родная мне, другая совершенно чужая. Но несмотря на этот факт, как много у них общих черт... - Тётя Арина понравится папе, - произносит Машенька и вдруг подскакивает на месте. - А вон, вон! Папа идёт! Перевожу взгляд в сторону, ожидая увидеть родителя этой светлой девочки, и тут же замираю. К нам быстро шагает мой напряженный и разозленный бывший муж... *** Мы расстались из-за его измены. Я ушла от него, будучи беременной, так и не рассказав ему об этом. Спустя годы наши пути пересеклись вновь — я устроилась на новую работу и

теперь каждый день сталкиваюсь с бывшим мужем, у которого, как оказалось, есть дочь, удивительно похожая на мою...

Первая часть - Читается самостоятельно ♥

Содержание

Глава 1. Арина	5
Глава 2. Арина	10
Глава 3. Арина	17
Глава 4. Август	23
Глава 5. Арина	32
Глава 6. Август	39
Глава 7. Арина	49
Глава 8. Арина	55
Глава 9. Арина	61
Глава 10. Август	69
Глава 11. Август	76
Глава 12. Арина	86
Глава 13. Август	91
Глава 14. Арина	97
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Глава 1. Арина

– Мамуль, а ты надолго? – малышка цепляется за мой рукав, не желая отпускать. Внутри всё сжимается до микроскопических размеров от её тревоги. Ей страшно в новом месте, особенно когда оставляю её одну, но выбора у нас нет.

Детская игровая комната под присмотром взрослых – не такое уж и страшное место.

Эй, кого я пытаюсь успокоить? Себя?

– Мне нужно работать, котёнок, – шепчу, аккуратно поправляя её тонкие волоски, заплетённые в два аккуратных колоска. – Как только тебе надоест играть с другими детками, нажми кнопочку на часиках, и я сразу приду за тобой. Хорошо?

– Зачем тебе р-работать? – тихо спрашивает она, опуская взгляд и сжимая в руках плюшевого зайчонка.

Здесь шумно, много чужих детей и взрослых, а она так не любит суету. Но у меня новая работа, оставить её не с кем, и пришлось привести в детскую комнату, где хотя бы пару часов за ней присмотрят.

Потом я заберу её и отведу домой.

К тому же, работая администратором на базе отдыха я могу приглядывать за ней издалека.

– Всё из-за того дяди? – вдруг поднимает на меня свои огромные, полные тревоги глаза.

Я слабо улыбаюсь, стараясь не выдать волнения. А у самой холодок по спине.

– Не думай о том человеке, солнышко.

Почему моё маленькое чудо всё понимает? Она должна думать о куклах и сказках, а не о том, что мы в спешке покинули съёмную квартиру и уехали за город, спрятавшись на базе отдыха.

«Спрятавшись»... Как страшно это звучит, но это наша реальность.

Почему мне так не везёт с людьми? Куда ни глянь — везде подлость и обман.

Невольно, глядя в глаза дочери, вспоминаю её отца. Единственного, на ком держалась вся моя жизнь. Того, кто поддерживал меня в самые трудные моменты, влюбил в себя своей заботой и лаской. Того, кто был для меня крепостью. Крепостью, которая рассыпалась в прах от одного предательства.

Я закусываю губу, чтобы не думать о нём. Если бы он тогда не предал меня, сейчас мы были бы счастливы.

– Ладно! – вдруг с неожиданной решимостью говорит моя малышка, вытирая носик. – Я буду сильной! Р-ради мамы!

– Как только захочешь кушать, зови меня, – целую её в макушку, вдыхая запах детства и уюта. – Я всегда рядом, слышишь?

С трудом отрываюсь от своего ребёнка. Первый день на новой работе волнителен не только из-за малышки, но из-за

ответственности. И того, что могу вылететь с неё, как пробка от шампанского.

Поправляю одежду, бейджик, и мысленно молюсь, чтобы второй администратор, который будет меня обучать, оказался терпеливым. Опыта у меня мало, но есть одно важное преимущество — знание иностранных языков. На этой базе отдыха как раз искали специалиста для общения с иностранцами, ведь они хотят расширяться.

Я ухватилась за этот шанс и теперь оказалась здесь.

Через несколько минут прихожу на своё место, внимательно слушаю поток информации от своей напарницы. Первое время мы будем работать вместе, пока не наберусь опыта и знаний. К счастью, информацию я запоминаю быстро — опыт преподавания помогает, поэтому большой объём меня не пугает.

А вот обилие просыпающихся утром гостей — да.

Кручусь как белка в колесе, но пока ничего сложного нет, только усталость накапливается незаметно.

Ближе к обеду, забрав дочку, отвожу её в дом для персонала. Здесь нам выделили комнату с кухней и своей ванной. Однушка, только меньше. Но и этого нам хватит. Кормлю её, включаю мультфильмы, чтобы хоть немного отвлечь её от одиночества.

Не успеваю и сама поесть, как на внутренний телефон поступает звонок.

– Архипова, ты где? Начальник вот-вот приедет, а тебя на

месте нет!

Я ускоряюсь, сердце бешено колотится — не хочу в первый же день разругаться с боссом. Нам с Настёной нужно продержаться здесь как можно дольше, пока я не придумаю, как выбраться из того дерьма, в которое я угодила. Или не уеду с дочкой куда-нибудь подальше, где нас никто не найдёт.

Вбегаю к своей напарнице, ловлю её осуждающий, но в то же время понимающий взгляд. Она знает, что у меня маленькая дочь, но для неё работа — превыше всего.

— Ладно, успела, — шепчет она, поглядывая на наручные часы. — Запомни, если босс не живёт на территории комплекса, а в городе, он всегда приезжает после обеда. Обычно без предупреждения, поэтому каждый день лучше быть наготове.

Я киваю, стараясь скрыть тревогу, и мысленно обещаю себе: я справлюсь. Ради Насти, моего маленького смысла жизни. Ради нас.

Киваю, сдерживая улыбку. В следующий раз меньше буду смотреть с Настей мультиков.

— Ещё у него просто мерзкая вторая половинка, — Наталья морщится, словно попробовала что-то горькое. — Лицемерная дрянь. При нём — вся из себя хорошенькая, а стоит ему уйти — тут же корону надевает. Поаккуратнее с ней, ладно? Не понравилась — мигом вылетишь. Думаешь, куда делись те, кто был до тебя?

— Приму к сведению.

Выпрямляюсь по стойке смирно, нервно поправляю на себе форму. И нехорошее предчувствие появляется.

— Идёт, — шепчет Наталья, бросая на меня быстрый взгляд.

Зачем вообще вся эта приветственная церемония? Отель полон гостей, а мы стоим в ряд, словно школьники на линейке, ожидая появления начальства. В груди нарастает раздражение. Лучше бы с дочерью это время просидела.

Двери наконец открываются, и я едва не проваливаюсь сквозь землю. Сердце сжимается, дыхание сбивается. Я быстро моргаю, боясь, что схожу с ума — неужели это он?

Бывший муж.

Только сегодня вспоминала его, и вот теперь его образ всплыл из глубин памяти, обжигая изнутри. Но нет, это не злые шутки воображения.

Он появляется в дверях, под руку... с новой женой?

Мужчина с необычным именем, которого я когда-то любила больше жизни. Я мечтала о большой семье, несмотря на свои женские проблемы, пока однажды он не предал меня, переспав с моей родной сестрой.

В прошлом — любимый Август, который так и не узнал, что у нас всё-таки получилось. И что где-то сейчас, на этой территории, в домике для персонала, у него есть дочь...

Глава 2. Арина

Всё ещё не могу поверить, что вижу его. Прошло долгих и тяжёлых пять лет. До сих пор помню, как он изменил мне с моей сестрой. Помню, как застала их вдвоём в его кабинете — тогда я чуть не потеряла своего ребёнка. Какое-то время я была уверена, что так и случилось, но потом произошло настоящее чудо. УЗИ, анализы — и моя доченька осталась со мной.

Но я так и не рассказала ему об этом. Рана была слишком свежа, слишком глубока. Даже спустя годы, когда она вроде бы затянулась, всё равно иногда кровоточит. За это время я не подпустила к себе ни одного мужчину, полностью посвятив себя нашей долгожданной дочери. А он, судя по женщине, вцепившейся в его руку, времени зря не терял.

Я не могу его осуждать — ведь это я первая подала на развод. Но всё равно больно. Он забыл меня слишком легко, даже несмотря на все данные клятвы.

В отличие от меня? Я ещё долго плакала по ночам, ругалась на жизнь, спрашивала в темноте: почему именно с моей сестрой он решил разрушить нашу семью? Но в ночи, кроме тишины, не было ответа.

Только спустя несколько лет боль утихла. И теперь я могу смотреть на него без ненависти, как на чужого человека. Он всего лишь босс этой базы отдыха? Значит, так и будет стро-

иться наше общение. Если только он не уволит меня раньше, чем я успею поздороваться.

Я не теряю самообладания, встречаю его как начальство. Чувствую на себе его испепеляющий взгляд — будто он не верит, что перед ним стою именно я. Он шокирован даже больше меня. А я... я выгорела. Благодаря ему.

— Здравствуйте, Август Викторович, Елизавета Андреевна. К вашему приезду всё готово, — голос Натальи звучит ровно.

— Спасибо, Наталья, — отвечает за Пятницкого его новая... жена?

Я стараюсь не смотреть на него слишком откровенно — есть ли у него кольцо? Не знаю. И не хочу знать. Меня это волновать не должно.

— А это наш второй администратор? — интересуется она.

— Да, Арина Михайловна, принята на испытательный срок. Знает иностранные языки, будет работать с зарубежными партнёрами и гостями.

Каждое её слово сопровождается горящими копьями, что летит одно за другим из глаз Пятницкого.

— Здорово, да, Август? — она мило улыбается ему, всё ещё держась за его руку. Бывший муж, не сводя с меня взгляда, жёстко произносит:

— Да.

Коротко и лаконично, как всегда. Не сказав больше ни слова, он тянет свою спутницу к лифту. Только когда я ли-

шаюсь его внимания, моё тело, словно окаменевшее до этого момента, наконец расслабляется. Я рефлекторно приоткрываю губы, начинаю чаще дышать.

Раз — жадный глоток воздуха, и мысли скачут в голове, не давая покоя. Второй глоток — и я будто удерживаюсь на грани истерики.

Эй, я ведь забыла его. Начала жить заново. Я должна была при встрече реагировать иначе. Так почему же меня снова переехало катком?..

— Что-то босс сегодня странный, немногословный, — задумчиво шепчет Наталья. — Он у нас добрый, хоть и требовательный.

Я знаю... Знаю лучше вас.

— Может, случилось что-то с доче...

Я перестаю её слушать — на мои смарт-часы приходит сообщение. Настя! Сердце сжимается от тревоги. У неё что-то случилось? Или просто испугалась?

Просматриваю сообщения и улыбаюсь. Она прислала смайлик с сердечками. Кроме смайлов на своих часах она пока что больше ничего и не умеет, хотя я уже начала учить её буквам. Но у нас с ней есть маленькая фишка — она отлично общается картинками. Если присылает тарелку с лапшой — значит, хочет кушать. Телефон — просит позвонить, ей одиноко. Плачущий смайлик — ей страшно. И ещё несколько таких знаков, понятных для меня.

Сейчас с ней всё хорошо, можно немного выдохнуть и

успокоиться. Я невольно улыбаюсь, ощущая тёплую волну облегчения.

— Так что дальше? — натягиваю улыбку, стараясь отогнать мысли о бывшем муже, который уже скрылся в лифте. Нужно взять себя в руки и просто работать.

— Пойдём, проведу тебе инструктаж по нашим развлечениям. К нам ведь приезжают не только ради красивых номеров. Помимо уютного парка, недалеко отсюда есть гольф-площадка, конный клуб, бассейн, совмещённый с баром. Это из того, что находится на улице. В скором времени будет расширение, но пока не буду забивать тебе голову лишней информацией.

Я только выхожу за порог, на улицу, вдыхаю свежий воздух, как Наталья вдруг останавливается, её лицо становится серьёзным.

— Погоди, начальство звонит.

Август?

От одного его имени у меня в голове шар из картинок. Наша свадьба, наше знакомство... Столько всего одновременно мелькает в голове, что я чуть не падаю, хватаясь за колонну.

Даже не задумываюсь, почему Август ей звонит. Всё и так понятно — он уволит меня.

А куда нам с дочерью дальше? Не знаю. Голова забита тревожными мыслями, не могу сосредоточиться.

— Да, поняла, сейчас она придёт, — Наталья отключается и смотрит на меня с каким-то испугом и нерешительностью.

— Тебя ждут в апартаментах босса. Тебе на последний этаж, он весь принадлежит Августу Викторовичу.

Как же я не хочу туда идти! В груди поднимается волна отчаяния и унижения.

Может, стоит развернуться и уйти, не дожидаясь, когда меня выставят? Хочется просто забрать дочь и исчезнуть отсюда, но в памяти всплывает мерзкое лицо человека, из-за которого я сюда и приехала. Талия, где недавно были его руки, словно горит от недавних воспоминаний.

Эй, Арина, даже если бывший позвал тебя в свою комнату, может, он просто хочет поговорить? Узнать, как у меня дела. Разве тебе не интересно, как сложилась его жизнь?

Я хочу знать, как он поживает сейчас, и в то же время боюсь услышать о нём что-то новое. Боюсь снова начать думать о нём и чувствовать вину за то, что так и не рассказала ему о дочери.

Плевать. Будь что будет.

Я направляюсь к лифту, поднимаюсь на самый верхний этаж. Иду по небольшому коридору, сердце бешено колотится, ладони вспотели. Вот уже виднеется дверь, ведущая в главные апартаменты. Я невольно улыбаюсь, вспоминая один разговор из прошлого...

— Как посидели? — заботливо спрашивает Август, забирая меня из кафе, где я встречалась с сестрой. Его голос звучит мягко, в глазах — тёплая забота.

— Неплохо, — отвечаю, устало улыбаясь. — Пожаловались друг другу на жизнь. Студенты сегодня взбесились... — Я закатываю глаза, вспоминая шумную аудиторию и нескончаемые вопросы.

— Я давно говорю тебе заняться чем-то ещё, — Август улыбается своей мечтательной улыбкой. — Может, бросим всё, откроем свою базу отдыха, а? Я всегда мечтал жить в номере отеля: в любой момент выйти из комнаты, пройтись на гольф, поплавать в бассейне, посидеть у бара... — он мечтательно мычит, прикрывая глаза, словно уже ощущает запах свежескошенной травы и слышит плеск воды. Вдруг он чуть не спотыкается о камешек и резко возвращается в реальность, отчего я не могу сдержать смех.

— Ага, потратить все эти годы на путь к креслу министра, чтобы всё бросить? Ну уж нет! Хватит мечтать, поехали домой! — я смеюсь и тяну его к машине.

Дохожу до двери, выныривая из вязких, тягучих воспоминаний. Провожу пальцами по холодной металлической ручке, ощущая, как дрожь пробегает по коже.

Значит, вот так ты решил жить? Покинуть пост министра, построить свой отель в лесу, среди природы, и уехать сюда? Как ты всегда и мечтал...

Я даже рада за тебя, правда.

Но... Перед глазами вспыхивает сцена измены — резкая, как удар током.

Кабинет, он, она и кровавое пятно, медленно растекающееся по моим шортам. Сердце сжимается от обиды, но тут же накатывает странное равнодушие, будто всё это случилось не со мной.

Чувство горечи и пустоты подступает к горлу. Я глубоко вздыхаю и распахиваю дверь, не зная, чего теперь ждать от бывшего мужа.

Глава 3. Арина

Я открываю дверь номера. Ожидаю увидеть его — знакомую широкую спину, волевой подбородок, острые скулы, цепкий, но в то же время добрый взгляд. Как раньше.

Но внутри не он. На диване сидит та самая женщина, что пришла с ним за руку. В скромном платье, с идеальной укладкой и слишком внимательным, изучающим взглядом.

— Извините, меня вызывали?

Она коротко кивает, оглядывая меня с головы до ног.

Наталья говорила правду — личность двулика. Но где Август?

— Вы... Арина, да? — Голос у неё мягкий, но в нём чувствуется сталь. Глаза изучающие, будто просвечивают насквозь. — Мы раньше нигде не встречались? Мне кажется, я вас где-то видела. Лицо слишком знакомое.

Я улыбаюсь, как умею — вежливо, но холодно.

— Не думаю. У меня хорошая память на лица, вас бы я точно запомнила.

— Хм, — задумчиво трёт подбородок. — Может... Август вас знает? Он странно смотрел на вас, будто призрака увидел. Он редко бывает таким... Растерянным?

Внутри всё сжимается, будто кто-то сжал сердце ледяной рукой. Значит, уже заметила? И что дальше? Житья давать не будет?

— Мы не знакомы, — произношу, откровенно солгав. Но кое-какую правду всё же говорю: — Знаю, что он был министром финансов нашего города. По телевизору показывали.

— Это в прошлом, — улыбается она. — Ладно, значит, мне показалось. Можете идти, больше не отвлекаю от работы.

Прощаюсь и выхожу в коридор. Мысли роятся в голове, не давая покоя. Да, возможно, Пятницкий действительно странно смотрел на меня. Всё же мы не виделись пять лет, и оба растерялись. Не ожидали встретиться вот так, спонтанно. Особенно учитывая, что даже после больницы я не хотела с ним пересекаться. И вещи вывозила в его отсутствие.

Но откуда я могу быть ей знакома? Провокационный вопрос? Скорее всего.

Погружённая в мысли, не замечая, как врезаюсь во что-то твёрдое, ударяясь лбом и носом. Больно, неожиданно.

Здесь всегда стояла эта колонна?

Поднимаю голову и замираю, леденя изнутри. В нос ударяет знакомый запах парфюма — чуть терпкий, чуть сладкий, такой же, как много лет назад. Он мгновенно бросает меня в прошлое.

Встречаюсь взглядом с Августом. Его обычно спокойное лицо сейчас напряжено, скулы резко выделяются на красивом лице. Я невольно вглядываюсь в каждую новую морщинку, появившуюся за эти годы.

Он молчит. Смотрит пристально, будто прожигает во мне

дыру, не решаясь заговорить. В его взгляде — вина, которую он так и не отпустил. Но это иллюзия. Он продолжает жить, меняя одну девушку на другую. А ведь я была его первой серьёзной любовью, той, на которой он женился.

— Как ты? — спрашивает с напряжением.

Я сжимаю зубы, чтобы не выдать дрожь в голосе.

— Отлично. Устроилась на работу. Не знаю, надолго ли.

— Оставила преподавание?

Я киваю. На зарплату преподавателя в университете дочь не прокормишь.

— Как видишь.

— Арин... — говорит тихо, будто пытается подобрать слова. Но у нас не выйдет будничного обычного разговора.

Перед глазами снова встаёт та сцена. Моя сестра, он, кабинет, их поцелуй. И та злосчастная фотография, где они лежат в обнимку.

— Август, — перебиваю его твёрдо, одним именем. — Либо уже уволь меня, либо давай сделаем вид, что мы незнакомы. Прошу. Я начала новую жизнь и не хочу ворошить прошлое.

Сверлит во мне дыру.

— Я тебя понял, — цедит сквозь зубы.

Он отступает в сторону, и я прохожу мимо, не оглядываясь. Сердце стучит слишком громко, в ушах шумит кровь. Меня начинает трясти — то ли от злости, то ли от боли.

Счастливые отношения и болезненный разрыв... Всё при-

вело к тому, что теперь я просто не могу на него смотреть. Потому что думаю о дочке, которая унаследовала те же черты, что и её отец.

Бегу с этого этажа со всех ног. Сердце бешено колотится в груди, дыхание сбивается, но я только ускоряюсь, почти лечу по коридору.

Влетаю в лифт, едва не падаю, прижимаюсь к холодной стенке, пытаюсь снова взять себя в руки и унять дрожь в пальцах.

На экране часов появляется очередной смайлик от дочери — конфетка.

Я улыбаюсь сквозь усталость и тревогу и тороплюсь в домик для персонала. Мне необходимо увидеть её, обнять, вдохнуть её запах — как глоток свежего воздуха в этом отравленном мире.

Моё маленький стимул жить.

Не помню, как дохожу до нашего дома. Влетаю в наши крохотные квадратные метры, сердце замирает от волнения. Дочка сидит на кровати и смотрит мультики. Завидев меня, она тут же вскакивает и бросается навстречу.

— Мамочка, я скучала!

Я опускаюсь на колени, обнимаю её крепко-крепко, вдыхаю запах её волос, тёплый и родной. Всё остальное перестает существовать. Только мы вдвоём, только её маленькие ладошки на моих щеках, только её смех и сияющие глаза.

— Я тоже скучала, котёнок, — шепчу я, и впервые за день

улыбаюсь по-настоящему.

— Смотри, что я нарисовала! — она вырывается из моих объятий, подбегает к столу и с гордостью показывает свои рисунки. Я восхищаюсь ими, будто это шедевры великих художников, и вижу, как она светится от счастья. Но вдруг её лицо омрачается.

— Ты сейчас опять уйдёшь? — спрашивает она тихо, опуская глаза.

— Надо, — с трудом выговариваю я, чувствуя, как сжимается сердце.

— Ладно, — она топает ножкой, надувает губки. — Я подожду. Когда уже этот вечер-р-р? — и, как маленькая старушка, начинает ворчать, смешно морща носик.

Я улыбаюсь сквозь слёзы, встаю с корточек и спешу на нашу мини-кухню. Всё-таки комнаты здесь удобные — сразу с небольшой кухней и ванной. Не надо стоять в очередях, как в общежитии.

— Сейчас оставлю тебе конфет, — говорю я, роюсь в сумке в поисках сладостей, оставшихся после поездки.

В этот момент отвлекаюсь на личный телефон. На экране — новое сообщение, от которого внутри всё сводит:

«Где вы? Приехал, вас нет дома».

Сердце сжимается от тревоги. Я не отвечаю, быстро блокирую телефон и, на всякий случай, выключаю его совсем. Внутреннего, выделенного отелем, хватит для любых целей.

Оставив дочку снова одну, с тяжёлым сердцем убегая на

работу.

Глава 4. Август

– Куда ты испарился? – ласково произносит Лиза, подходит со спины и мягко гладит меня по плечам.

Меня передёргивает. Я делаю шаг вперёд, чтобы избавиться от её рук.

Паршиво. До того момента, как увидел Арину, всё было нормально.

Я впервые за эти годы после развода решил впустить в свою жизнь женщину. Ради Маши. Чтобы у неё была мама.

И Лизу к себе подпустил, видя, как она хорошо относится к моей дочери. И сам стал к ней неравнодушен, даже благодарен, что иногда помогает мне.

А теперь... Каждое прикосновение другой женщины вызывает в голове образ Арины. Я всё ещё не забыл. Всё ещё чувствую вину. Две вины. Первая — за то, что тогда она потеряла нашего ребёнка. А вторая... Касается моей дочки.

– Звонил Артемий, скоро привезёт Машу. Надо будет встретить её, – коротко отвечаю.

– Замечательно, я соскучилась по ней, – растерянno шепчет Лиза, не ожидая от меня такой холодности. А у меня мысли разбегаются, не могу сосредоточиться.

Не ожидал увидеть Арину здесь. И не думал, что она так изменится. Похудела, щёчки осунулись, волосы подрезала... И взгляд стал другим. Жёстче, взрослее, серьезнее. Что её

так изменило? Тот день?

– Зачем сюда приходил второй администратор? – неожиданно для нас обоих спрашиваю я. Этот вопрос важен для меня. Она сама пришла? Судя по тому, как она не хочет меня видеть — нет.

В голове шумят её слова.

«Либо уже уволь меня, либо давай сделаем вид, что мы незнакомы. Прошу. Я начала новую жизнь и не хочу ворошить прошлое».

– Да, я пригласила её. Хотела поболтать. По-женски, знаешь.

От последних слов я резко оборачиваюсь, смотрю на Лизу сверху вниз. Она тут же испуганно хлопает глазами, и я понимаю, что веду себя странно. Чёрт, опять выхожу из равновесия.

– Ты чего? Боишься так потерять админа? Не беспокойся, мне просто показалось, что я где-то её видела, но никак не могла вспомнить где.

Я напрягаюсь. В голове всплывают фотографии Арины, которые до сих пор лежат у меня в кабинете. Не выбросил. Спрятал в дальний ящик, как напоминание о хороших и счастливых днях. Но вряд ли Лиза могла их увидеть — нужно было бы копаться у меня в столе. А она этого не делала...

Язык не поворачивается спросить. Вызовет вопросы. А подставлять Арину я не хочу. И тем более сомневаться в своей... помощнице? Коллеге? Девушке?

Последней назовёшь её с натяжкой.

А Арина... Здесь нельзя думать. Нельзя поддаваться эмоциям. Её нужно уволить. Убрать с глаз долой, как и из сердца вон. Если второе получилось, хоть и со скрипом, почему первое так тяжело даётся?

Судя по всему, жизнь её помотала. И мне так и хочется спросить, где она пропадала, чем занималась столько лет, как у неё на личном фронте... Всё хочу о ней знать. Но в то же время желаю поскорее избавиться. Чтобы не будила воспоминания. Не вскапывала давно похороненные чувства. И не видела Машу.

Впервые при упоминании моей дочери внутри всё сжимается. Арина не должна узнать о моей маленькой тайне. Но откуда она может всё узнать? Невозможно.

Вижу вдалеке подъезжающую к воротам знакомую машину. Артемий! Сердце начинает биться чаще — наконец-то Маша возвращается ко мне.

– Маша приехала, – выдыхаю. – Наконец-то. Пойду встречу.

– Я с тобой, – произносит Лиза, – хватая меня за рукав рубашки. – Вот же ж, всего день побывала у твоего брата, а мы уже скачем за ней, как будто год не видели.

– А то ж, – улыбаюсь и тяну девушку за собой, стараясь скрыть волнение.

В лифте думаю только о дочке. Мысли о самом важном человеке выгоняют Арину из головы. Хоть на час, на два, да

даже на мгновение, плевать.

Дочь важнее. Я купил ей кукольный домик, о котором она так мечтала. Большой, яркий, целый особняк. Хочется поскорее увидеть её реакцию, когда она увидит огромную коробку. Правда потом придётся мне страдать собирать его всем вместе — одна она до утра не управится.

Ловлю себя на мысли, что всё это время в отеле искал Арину взглядом. По пути услышал от Натальи, что она сама учится решать проблемы на втором этаже. Не спрашиваю, какие именно проблемы произошли — сейчас они меня мало волнуют.

Оказавшись на улице, вижу Артемия, который открывает заднюю дверцу автомобиля, и оттуда нетерпеливо выпрыгивает мой попрыгунчик. Сердце наполняется теплом и радостью.

– Папулька! – щебечет Маша, сияя ярче солнца. Срывается с места, бежит ко мне, и я ловлю её на полпути, подхватываю на руки и крепко прижимаю к себе. Она тут же берёт мои щёки в ладони и начинает осыпать их поцелуями, как бабушка своего внука, только что приехавшего к ней в деревню.

– Папулечка, папулечка! Я так соскучилась! — её голос дрожит от счастья, а в глазах светится безграничная любовь.

– А я-то как соскучился, – целую её в носик-кнопку. Только сейчас замечаю, какая она растрёпанная, волосы торчат в разные стороны, будто по ним прошёлся настоящий ураган.

Не успеваю спросить, что за буря пронеслась у неё на голове, как она уже машет Лизе, стоящей рядом со мной.

– Лизочка, привет!

– Приветик, – девушка берёт её за маленькую ладошку, здороваясь. – Ты чего такая взъерошенная?

Опережает мой вопрос. Мне становится удивительно легко на душе от того, как хорошо они ладят. Лиза – женщина хорошая, красивая, добрая к дочери. Но семьи я пока не хочу. Мне хватает одного лучика в моей жизни, для второго пока нет ни времени, ни желания.

Что-то постоянно мешает, не даёт покоя.

Но мы стараемся. Точнее, я стараюсь, чтобы наши отношения переросли из рабочих в романтические. Мы уже начали жить в одном номере. Разве это не успех? Правда, не стоит упоминать, что в разных комнатах.

– Мы гоняли с Павликом, – радостно сообщает мой моторчик. – Убегали друг от друга и боролись! А ещё тётя Ангелина сказала, что скоро у неё появится ребёночек! Моя сестрёнка!

– Я помню, – улыбаюсь. Скоро у Мая и его жены будет пополнение. Дочка. И они по-настоящему прочувствуют, каково это быть родителем маленького шептунного цветочка. Первый у них был спокойный пацан и это очень хорошо, но дочки... такие зайки. – Тётя Ангелина тебя не переплела?

– Я не захотела, – кукуется, скрещивает ручки на груди и надувает губки. – Меня может заплетать только папа!

Тихонько смеюсь, прижимаю дочку к себе и несу её обратно в отель, в наши апартаменты, где её ждёт кукольный домик. По пути она болтает без умолку о проведённом выходном в доме у брата с его сыном. С Павликом они очень дружны, поэтому она часто просится к ним в гости.

Заходим в наш зал, и мой попрыгунчик тут же замечает огромную коробку, к которой подлетает и пытается обнять, обхватив её маленькими руками.

– Это мне? – с надеждой гладит коробку.

– Нет, мне, – подшучиваю над ней, стараясь сдержать улыбку.

– Ты уже взрослый, чтобы играть в куклы, – показывает мне язык, хитро щурясь.

Ой, разбаловал я её... Чувствую, в будущем она даст мне жару. Но сам так воспитываю, всё позволяю. Вот и тормозов не знает. Но авторитет у неё всё же есть. Стоит мне начать злиться, этот котёнок, поджав хвостик, тут же виновато уходит в свой уголок и что-то там бормочет.

– Будем собирать его?! – с нетерпением смотрит то на меня, то на Лизу.

– Давай сначала я переплету тебя, – усмехаюсь, глядя на этого домовёнка. Она хлопает себя по макушке, понимая всю плачевность ситуации, и кивает.

– Девочки должны быть красивыми, – вдруг заявляет она, пока я ищу расчёску с резинками и заколками. Они привычно лежат в туалетном столике, как и вся другая мишура –

заколки, ободки, банты.

– Малыш, ты кушать не хочешь? – Лиза берёт телефон, кажется, собирается куда-то. – Я иду вниз, попросить повара что-то тебе приготовить?

– Не-а, – радостно отвечает дочка, уже кидая подушку себе под попу и плюхаясь на неё перед диваном, где мы обычно наводим красоту. Ей интереснее сидеть за столиком, чем за столом. – Тётя Ангелина накормила меня.

– Хорошо, – мягко улыбается Лиза. – Я тогда прогуляюсь, голова разболелась.

Коротко киваю, сажусь на диван и начинаю расплетать косы дочери. Длинные волосы волнами спадают по её плечикам, пока она играет со своей куклой, выуженной из походного рюкзака.

Веду по волосам расчёской, стараясь делать это как можно бережнее, чтобы не причинить ей боли. До сих пор остался в голове случай, как я случайно не расчёсывал её три дня из-за загруженной работы, а потом вычёсывал кулю... Сколько было визгов и слёз – словами не передать. Сейчас отношусь ответственнее.

– Маш, – зову дочку, привлекая к себе внимание.

– Да, папуль? – ласково отзывается мне. И всё, я таю. Готов сейчас купить её всё, что скажет. Хоть нунчаки, которые она однажды увидела в магазине, и даже не зная, что это, сказала «хочу».

– А тебе Лиза нравится?

– Она хорошая, – отвечает дочка по-доброму, задумчиво глядя на куклу. – Но как подружка, а не как мама. Вот тётя Ангелина хорошая мама, но она занята дядей Маем.

– То есть она тебе не нравится? – напрягаюсь, ловя себя на волнении.

– Нравится, – неуверенно отвечает она, пожимая плечами.

– Ладно, – решаю не мучить ребёнка вопросами. Это я должен решать, а не она – получится у нас что-то с Лизой или нет. – Не забивай голову. Как тебя сегодня заплести? Так же змейкой?

– Хочу два колоска!

– Два колоска, принято, шеф.

Маша весело щебечет, пока я старательно плету ей причёску. Никогда раньше не умел этого делать, а тут, с дочерью, научился.

И, признаться, мне это даже нравится. Я до безумия люблю её и готов на всё, даже с розовыми ногтями ходить, лишь бы она была счастлива и улыбалась.

Её звонкий смех наполняет комнату светом, и в такие моменты кажется, что всё в жизни возможно.

Но вдруг перед глазами всплывает безэмоциональное лицо Арины. Её глаза горят ненавистным огнём, но в то же время кажутся неживыми, пустыми.

Сердце нещадно сжимается от боли и тоски. Нет больше той жизнерадостной девушки, которую я когда-то знал. Нет

той любви, что согревала нас обоих. Мы стали друг другу чужими, словно два незнакомца, случайно оказавшиеся рядом.

Я теряюсь в мыслях: как мне поступить с ней? Уволить, чтобы больше не видеть и не терзать себя воспоминаниями? Или терпеть, чтобы знать, что она где-то рядом, пусть даже между нами теперь пропасть?

Для "новеньких" читателей, предупрежу. Это вторая часть истории Арины и Августа. Но! Она читается, как самостоятельная, без предыстории.

Развод. Я хочу стать мамой
 <https://litnet.com/shrt/qXiB>

Глава 5. Арина

Арина

– Что с тобой случилось? – недовольно произносит Наталья, резко дёргая меня за руку. Я вздрагиваю и, опомнившись, пытаюсь прийти в себя. – Полдня нормально работала, а как начальство увидела – струсила. Что же тебе там Елизавета Андреевна в номере наговорила?

– Да ничего, – бормочу я, перекладывая бумажку за бумажкой, сидя в ресторане отеля. У персонала есть отдельный столик, за которым можно поработать и выпить кофе. Именно этим сейчас и занимается Наталья, пока я тщетно пытаюсь разобраться в кипе документов, совершенно ничего не понимая.

К счастью, в зале малолюдно и не так шумно. В это время почти все собираются у бассейна с баром. Как же там хорошо... Настёна бы увидела этот бассейн – закричала бы от восторга.

– А мне вот кажется, тебе эта высокомерная дрянь что-то да сказала, – не унимается Наталья, пристально глядя на меня.

– Нет, – снова отвечаю, невольно вступаясь за Елизавету. Хотя зачем? От неё действительно веет высокомерием, холодной расчётливостью. Считает себя здесь главной, и, судя по её мужу, так оно и есть. – Просто столкнулась с вашим

Пятницким, и он решил устроить мне проверку языковых навыков.

— О, это он умеет, — усмехается Наталья. — Август Викторович вообще хороший человек. Но иногда бывает не в духе, хотя это редко. Чаще всего он улыбается и светится от счастья. Особенно, когда дочка рядом. Она как раз приехала пару часов назад. Если встретишься с ним — офигеешь, какой он разный был.

Я замираю с какой-то бумажкой в руке. Каждое её слово отдается в голове тяжёлым набатом, не укладывается в сознании.

— Дочка? — произношу вслух, не веря своим ушам.

У него появилась дочь...

Дочь!

Не от меня, от другой женщины. Ребёнок, которого мы оба так хотели. Наше огромное желание стать родителями обернулось для нас адом. Если бы тогда я не была так одержима мыслью стать мамой...

Сейчас бы мы были счастливы. Жили бы втроём, с Настёной, и не знали бы горя.

Но я долго не могла забеременеть. А когда, наконец, получилось — случился выкидыш. Потом осложнения, и даже ЭКО не помогло выносить ребёнка самостоятельно.

Тогда на горизонте появилась моя сестра. Зная, в каком отчаянии мы были, она предложила свою помощь — стать суррогатной матерью нашего ребёнка.

Я согласилась, мечтая о большой семье.

Но не думала, что всё закончится так плачевно.

У сестры прервалась беременность, а потом она переспала с моим мужем.

Замечательно, не правда ли?..

А сейчас они вместе? Это она родила ему, как тогда говорила ему в тот день?

Те слова до сих пор эхом звучат в памяти: «Зачем тебе бездетная жена? Я рожу тебе столько мальчиков, сколько захочешь».

Но не мальчик, а девочка.

Нет-нет, это не Лена. После того случая она исчезла – я это прекрасно помню. Её подруга писала мне, спрашивала, что с ней случилось, говорила, что Лена уехала из своей съёмной квартиры, сменила номера. Сестра уехала, а я не слишком переживала о ней, всё ещё потрясённая произошедшим.

И с Августом она быть не могла. Свекровь звонила мне несколько раз, пыталась выяснить, что случилось у нас с мужем, почему её сын так изменился, почему мы разводимся. О Лене не было ни слова.

Значит, это не она.

Да и другая женщина подтверждает всё это.

Лиза – вот кто подарил ему ребёнка?

Живот скручивает от неприятных воспоминаний, начинает мутить. Я закидываю конфету в рот, не зная, куда деться

от этой правды и подступившей тошноты.

У него есть ребёнок, и он счастлив.

А я... Я мучаю своего ребёнка, прячась за городом...

– Ага, лапочка такая. Но слегка избалованная особа. Босс в ней души не чаёт, – продолжает Наталья, не замечая моего состояния.

Я представляю. Он столько лет мечтал о малыше, так же, как и я. Теперь он счастлив, что всё сложилось именно так.

А любил бы он Настю так же, если бы я рассказала ему о дочери?

Вряд ли. Он и меня-то не любил, раз смог переспать с моей сестрой.

– Понятно, – выдавливаю из себя, едва сдерживая слёзы.

Хотелось бы увидеть эту девочку, но от этого будет только больнее.

Нет, я не смогу здесь долго находиться. Максимум неделю.

Да, решено: за эту неделю я обязательно придумаю, куда нам с дочкой уехать, чтобы начать новую жизнь вдвоём, без страха. А он пусть и дальше наслаждается своей новой семьёй.

– Девочки, а чего сидим? – вдруг отдалённо раздаётся вопросительный и уже слегка знакомый голос. С трудом поднимаю взгляд от бумаги, всё ещё не в силах переварить услышанное. К нам навстречу шагает новая жена Пятницкого.

Без зазрения совести бросаю взгляд на её пальцы. Коль-

да есть, но на безымянном — нет. Не женаты? И пусть, они могли и не связывать себя узами брака. Живут вместе, воспитывают дочь — этого достаточно.

— Встретилась в лифте с недовольным гостем, жалуется на кондиционер. Двадцать третий номер. Спросите, узнайте, вызовите ремонтника.

— Я схожу, — встаю из-за стола, лишь бы занять свои мысли чем-то, кроме Августа.

— Похвально, — кивает она, скрестив руки на груди. В её голосе слышится лёгкая ирония. — Только работать надо не после пинка, а по своей инициативе.

— Исправлюсь, — сухо отвечаю и спешу решать проблему. Но мысли всё равно не уходят. Чувства поедают изнутри, не дают покоя.

Сказать ему о Насте или не сказать? Зачем? У него уже есть свой ребёнок. Зачем ему ещё один? Если узнает — нас всех свяжет. Придётся встречаться, видеть его дочь. Одна мысль о том, что она от другой женщины, вызывает во мне смешанные чувства. Я рада за него, но в то же время мне обидно и больно. Сама себя не понимаю.

После окончания рабочего дня возвращаюсь в нашу комнату и пытаюсь отвлечься на Настёну.

К счастью, получается: моё сокровище занимает все мои мысли. Но, глядя на неё, я постоянно вижу черты её отца, и сердце ноет. Ничего не могу с этим поделать. Это ведь на всю жизнь. Я не смогу забыть Августа, постоянно видя в ней

его отражение.

Впервые за последние недели, спокойно выключив свет и плюхнувшись на кровать, мы обнимаем друг друга. За окном светит яркий полумесяц, мягко освещая комнату. Настёна, уткнувшись носиком мне в грудь, что-то спрашивает, а я на автомате отвечаю ей, целуя в макушку. Безумно соскучилась по ней за весь день. Часто приходится оставлять её одну ради работы. Должна бы уже привыкнуть, но не могу.

– Мамулечка, – шепчет она. – Мне жарко, давай включим холодильник?

– Если я включу кондиционер, утром у кого-то будет болеть горлышко.

– Фу, не хочу.

– Тогда отодвинься немного от меня, раз тебе жарко.

– Нет, я хочу быть ближе к мамочке.

Я улыбаюсь, нежно целую её в лобик.

– Ты завтра опять пойдёшь на работу? – как-то грустно раздаётся мне прямо в грудь. От этого тона всё скручивает внутри и так стыдно становится, что ей приходится сидеть тут одной.

– Надо, котёнок. Но это ненадолго. Думаю, через недельку мы поедем дальше.

– А куда? – она приподнимается, ложится на животик и мотает ногами, готовясь слушать. Сразу загорается, понимая, что нас ждут приключения. – Там будет весело?

– Пока не знаю, – пожимаю плечами. Я не знаю как пере-

жить завтрашний день, а думать о далёком будущем слишком тяжело. — Завтра хочешь остаться здесь или пойдёшь с утра поиграть с ребятами?

— М-м-м, — она задумчиво стучит пальчиком по подбородку. — Хочу поиграть. В ту комнату мамочка приходит чаще, чем сюда.

Я смотрю на неё с нежностью и благодарностью, чувствуя, как любовь к дочери согревает меня изнутри, несмотря на всю боль и тревоги уходящего дня.

— Ах ты, хитрюга! — щекочу её, и в ответ слышу её звонкий, искренний смех. Она тут же юрко прячется в простыню, весело хихикает, свернувшись в своём уютном коконе, не даёт мне больше до неё дотянуться.

Её дыхание сбивается, она тяжело дышит от смеха, но вскоре успокаивается, осторожно выбирается из своего укрытия и снова обнимает меня крепко-крепко.

Она что-то шепчет мне в грудь — тихо, нежно признаётся в любви, и почти сразу засыпает, уткнувшись носом мне в плечо.

А я ещё долго лежу без сна, смотрю в окно, вглядываюсь в глубокое, звёздное синее небо, и мысленно возвращаюсь к каждому слову, что услышал сегодня, пытаюсь всё осмыслить.

У него есть дочь. И это никак не укладывается у меня в голове...

Глава 6. Август

Август

– Мне показалось, или ты не спал всю ночь? – настороженно произносит Лиза, обнимая меня со спины. Её тёплые пальчики лениво скользят по моей груди, а щекой она нежно трётся о мою спину, словно пытаюсь согреть меня своим теплом. – Я слышала шаги поздней ночью.

– Не спалось, – честно отвечаю, помешивая Маше молочную кашу. Зеваю так широко, что не скрыть усталости и недосыпа

Всю ночь мысли не давали мне покоя. Вопросы, один за другим, сыпались в голову, будто из ниоткуда. На каждый я пытался найти ответ сам, понимая, что Арина не захочет со мной говорить. А мне так нужно это – просто поговорить, узнать о ней хоть что-то. Почему ушла с работы? Как у неё сейчас на личном фронте? И ещё тысяча других вопросов. Я сам понимаю: оказалась она здесь не от хорошей жизни. Может быть, я смогу помочь?

Не должен я этого делать, особенно после стольких лет. После того, как она сама оттолкнула меня, не оставив ни малейшего шанса. Но что это за желание помочь ей? Вина? Или не остывшие чувства? А может, всё вместе?

– Ты опять готовишь кашу? – улыбается Лиза за моей спиной. Я не вижу её лица, но в голосе слышится доброта и лёг-

кая насмешка.

– Маше нравится именно моя, – усмехаюсь, чувствуя, как на душе становится чуть теплее.

– Из ресторана ничем не хуже. Ты балуешь её, папочка. Смотри, в восемнадцать лет захочет она машины, как перчатки менять, ты ей будешь это делать?

– Если деньги будут – буду, – отвечаю с улыбкой, хотя в голосе звучит усталость.

Маша – мой самый желанный ребёнок. Точнее, наш...

Опять укол вины пронзает меня. Перед глазами всплывает мой безумный поступок, о котором я не жалел ни дня. Арина ушла от меня, и я совсем расклеился. Запил, потерял смысл жизни. Ни одна женщина не была мне нужна так, как она.

А потом – звонок из клиники. От суррогатства, на которое мы решились в отчаянии, остались яйцеклетки Арины. Я не помню, что тогда мной двигало – одержимость женой или отчаянное желание ухватиться за спасительную верёвку, чтобы не утонуть.

И тогда в моей голове родилась идея.

И сейчас моя «идея» бодро выскакивает из ванной, а Лиза, словно пойманная с поличным, быстро отстраняется от меня.

– Папочка-а, я почистила зубки! – радостно верещит Маша, подбегает ко мне и широко улыбается, демонстрируя свои белоснежные зубки.

– Умничка, – хвалю её, доставая из шкафа тарелку. – Только зубки чистят после завтрака.

– После я ем конфетки, – хитро сообщает она, поглядывая то на меня, то на Лизу. В её глазах озорство и подозрение. – А вы тут что, обнимаетесь?

Я ставлю тарелку с кашей на стол, подхватываю Машу на руки, сажаю её на стул и ласково треплю по макушке.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали.

– Так это Варваре, а меня Маша зовут, – невозмутимо отвечает она, пододвигает к себе тарелку и с наслаждением вдыхает аромат свежей каши. – Ммм, как вкусно!

Как всегда, всё идеально. Перевожу взгляд на Лизу.

– Ты будешь?

– Через минут пятнадцать, пойду умоюсь и приведу себя в порядок. Ты ведь помнишь, что у нас встреча через час?

Я недовольно цокаю языком. Совсем забыл об этом.

Проблема. Мне не с кем оставить Машу – я не позаботился об этом заранее. У меня нас нет няnek, мы привыкли брать её везде с собой, или сидим попеременно. Либо на час-два просим присмотреть за ней персоналу.

– Сходишь на эту встречу одна? – понимаю, что других идей нет.

Лиза недовольно выгибает бровь, её взгляд становится колючим.

– Как ты себе это представляешь?

Я тяжело вздыхаю, чувствуя, как на плечи ложится груз

ответственности. Никак не представляю. Моё присутствие там обязательно.

– Маш, пойдёшь сегодня с нами на встречу? Покушаешь тихонечко в ресторане.

– Не, – морщит носик, надувает губки. – Там скучно.

И тут же засовывает ложку в рот, довольно мычит от удовольствия.

– А можно в комнату с игрушками?

Игровая? Вариант неплохой, там за ней присмотрят. Но сразу предлагать не стал — вдруг не захочет. Она же у меня девочка с характером.

– Хорошо, отведу тебя туда попозже, а сейчас доедай.

Делаю себе крепкий кофе, чтобы не уснуть. Лиза уходит в ванную, а я опускаюсь за стол напротив дочери и зеваю. Маша тут же передразнивает меня, прикрывая ладошкой ротик, и смотрит лукаво, выжидающе.

Не успеваю ничего сказать, как из ванной пулей вылетает Лиза.

– Машенька, – начинает она тихо, но с лёгким укором в голосе.

Так, что-то мелкая натворила.

– А ты мою умывашку для лица не брала?

У-у-у, что-то случилось с женской косметикой? Беда.

– Не брала, – уверенно отвечает малышка, не отрываясь от еды. – А какой-то флакончик взяла. Ванную мыла, она грязная была.

– Солнышко, – Лиза с трудом сдерживает раздражение, голос дрожит на грани. – Она дорого стоила и не предназначена для мойки ванной. В следующий раз спрашивай у меня, хорошо?

– Хорошо, – довольно отвечает дочь, ни капельки не раскаявшись. Будто специально сделала.

– Я куплю тебе новую, – вмешиваюсь, чтобы сгладить конфликт. Банка уходовой косметики — не повод кричать на ребёнка. Она просто познаёт мир, и я не вижу в этом ничего плохого. Но стоит поговорить с ней, чтобы не мыла ничего своими руками — вдруг найдёт химию и обожжёт себе кожу.

– Спасибо, папуль, – быстро выпаливает дочка, соскальзывает со стула, хватая свою тарелку, убирает в посудомойку и вприпрыжку уносится в свою комнату. – Я собираться играть!

И исчезает, будто ничего не случилось.

– Август... – шепчет Лиза с обидой и усталостью. Я встаю, понимая, что просто так это не закончится. Подхожу к ней, обнимаю за талию. В груди всё сжимается, будто внутри включили блендер. Перед глазами на миг всплывает Арина — стоит передо мной, так же злится.

Мотаю головой, возвращая себя в реальность, и снова смотрю на Миронову.

– Поговори с ней, пожалуйста, чтобы мои вещи не трогала. Мне не жалко, правда, просто... С возрастом справляться будет всё тяжелее.

— Понимаю, — вздыхаю я, чувствуя, как напряжение сжимает грудь. — Я поговорю с ней.

Девушка улыбается, её глаза теплеют, и она чуть подаётся вперёд, собираясь поцеловать меня в губы. Но я, будто по команде, резко отворачиваюсь. Её губы касаются только моей щеки. В этот момент я замечаю в её взгляде изумление и лёгкую неловкость, словно она не ожидала такого поворота.

Я киваю в сторону комнаты Маши, и она всё понимает без слов. Только не на глазах у дочери — это наш негласный уговор.

Только вот... Сколько ещё я буду прикрываться дочерью, чтобы не начинать серьёзные отношения? Сколько ещё буду прятаться за этим удобным оправданием?

Пора бы уже во всём разобраться, честно поговорить и с ней, и с собой. Но сейчас у меня совсем другие планы.

После завтрака я отвожу Машу в игровую комнату, где уже резвятся только что проснувшиеся дети гостей. Она с интересом оглядывается по сторонам, немного волнуется, но быстро находит себе занятие.

Я с облегчением выдыхаю и вместе с Лизой направляюсь в ресторан отеля — у нас назначена встреча с владельцами земли по соседству. Я давно хочу расшириться, но подходящего участка пока нет. Нужно договориться о цене, а это всегда непросто.

Встреча проходит неудачно: эти жадные люди требуют за свой клочок земли гораздо больше, чем он стоит на самом

деле. Они явно хотят нажиться, но я не собираюсь уступать — для меня это вопрос принципа. Я уверен, что рано или поздно они сдадутся, и тогда я получу свои заветные метры земли.

После встречи Лиза куда-то исчезает, оставляя меня одного в ресторане. Я заказываю себе ещё одну чашку кофе, чувствуя, как усталость накатывает с новой силой. Достаяю телефон и звоню Ксюше, сотруднице игровой комнаты, чтобы узнать, как там Маша.

— Играет с одной девочкой, у них всё хорошо, — бодро отвечает Ксюша. — Я позвоню, когда она попросит забрать её.

— Хорошо, — улыбаюсь я, чувствуя, как на душе становится легче.

Моя малышка — с характером, не с каждым ребёнком найдёт общий язык. А тут познакомилась с какой-то девочкой, и у них всё ладится — гордость за неё переполняет меня.

Я откладываю телефон в сторону и невольно начинаю рассматривать зал. Мой взгляд сам собой цепляется за знакомую фигуру в дальнем углу, где обычно сидит персонал.

Арина. Она сидит за столом, перебирает какие-то бумаги, выглядит усталой и сонной. Зеваёт, прикрывая рот ладонью, и машинально хлопает себя по щекам, пытаясь взбодриться. Я тоже невольно зеваю и делаю глоток крепкого кофе.

На губах появляется невольная улыбка. Похоже, у нас обоих была бессонная ночь. Я почти уверен, что причина у нас

одна и та же.

Я встаю и направляюсь к ней. Она ведь сама сказала держаться подальше и делать вид, что мы не знакомы. Но сейчас я её начальник, и имею полное право подсесть к ней за стол. Я так и делаю, пока она в очередной раз чуть не клюёт носом в бумаги.

Заметив меня, Арина тут же напрягается, выпрямляется, и её взгляд мгновенно становится холодным, отстранённым. Она словно надевает невидимый панцирь, готовая защищаться.

— Что-то хотели, Август Викторович? — её голос звучит официально, почти чуждо.

— Арина Михайловна, — устало говорю я, подпирая голову рукой. — Расскажите мне что-нибудь о себе.

— Я вроде просила тебя делать вид, что мы незнакомы...

— Я и делаю, — отвечаю я с лёгкой усмешкой. — Вы для меня совершенно чужой человек. Просто хочу узнать вас поближе как своего администратора. Так что расскажете о себе, Арина?

Она поджимает губы, явно раздражённая, и, решив мне досадить, начинает рассказывать:

— Я родилась в Питере. Мне тридцать лет. Закончила педагогический, преподавала в университете.

Чёрт, она говорит только то, что я и так о ней знаю.

— Какое-то время была замужем, но уже почти пять с половиной лет в разводе.

— То есть вы не замужем? — спрашиваю я, не скрывая интереса.

— Нет, и больше туда не тороплюсь, — отвечает она с вызовом, бросая на меня острый взгляд. — С мужчинами не везёт.

Она снова утыкается в бумаги, давая понять, что разговор окончен.

А я... Доволен или нет, что сейчас одинока? Не должен. Но где-то в глубине души я бы хотел, чтобы она нашла себе мужа и родила хотя бы ему. Чтобы её мечта исполнилась.

— Больше рассказать вам мне нечего.

— Мда, — усмехаюсь я, скрестив руки на груди и откинувшись на спинку дивана. — Разговор у нас не клеится. А я надеялся хоть немного узнать, как ты провела эти пять лет.

— Хорошо, — коротко и равнодушно бросает она, даже не поднимая глаз.

И это злит. Внутри всё кипит, хочется взорваться, схватить её за подбородок, заставить посмотреть мне в глаза. А потом увидеть там ненависть. Потому что мне не нужно спрашивать, за что она меня ненавидит. По её мнению, я переспал с её сестрой, и из-за нас у неё случился выкидыш.

Я сам себя за это ненавижу, но до сих пор верю, что между нами ничего не могло быть. Я всегда любил только одного человека, и секс на стороне меня не интересовал ни на йоту.

— Я слышала, — вдруг произносит она, голос её звучит глухо, будто сквозь толстое стекло. — Что у тебя есть дочка.

Я сглатываю, и в ту же секунду остро хочу воды, но вместо этого делаю глоток остывшего кофе. Горечь обжигает горло.

– Да, – коротко отвечаю.

– Значит, ты обрёл своё счастье, – почему-то улыбается. Её улыбка кажется искренней, но я не могу поверить, что она действительно рада за меня. Или притворяется? Или просто устала ненавидеть?

Не надо, Арин. Ты не знаешь, какая я тварь и что сделал на самом деле.

– А ты? – выпаливаю, не в силах сдержаться.

Она приоткрывает губы, будто собирается что-то сказать. Я замираю, надеясь услышать хоть что-то, чтобы она приоткрыла завесу, дала мне шанс узнать её настоящую. Но она вдруг смотрит на наручные часы, взгляд становится отстранённым.

– Мне нужно идти, – резко встаёт из-за стола, быстро собирает бумаги. Не попрощавшись, спешит к выходу, оставляя за собой шлейф недосказанности и холода.

Грудь сжимает боль, и я остаюсь один, с горьким привкусом правды, которую не решился сказать. И так и не смог признаться Арине, что Маша – её дочь.

Глава 7. Арина

– Как провела время? – нежно беру дочку за ладошку и забираю её из игровой комнаты. Уже время обеда, и мне нужно её покормить. Хорошо, что я заранее догадалась заказать ей еду, и теперь, с бумажным пакетом в руках, мы направляемся домой. Можно было бы пообедать прямо в ресторане, но там всё ещё может быть Август.

– Было весело! – радостно выпаливает моё чудо и чуть ли не вприпрыжку скачет рядом. – У меня появилась подруга! Мам, а ты приведёшь меня сюда завтра?

– Конечно, – улыбаюсь ей в ответ, радуясь её счастью. – А кто эта подруга? Как вы познакомились?

– Хор-рошая, – отвечает она, отпуская мою руку и убегая чуть вперёд. На плитке она начинает играть в классики, стараясь не наступать на швы, и её звонкий смех разливается по коридору. – У неё была очень красивая причёска! Я сказала ей об этом, и ей понравилась моя. Потом мы пошли играть в кукол. Она рассказала, что у неё много одежды для них и завтра она её принесёт.

Я смотрю на её рюкзачок, набитый игрушками и только сейчас вспоминаю, как она старательно сегодня его собирала.

– А ты всё своё богатство взяла? – вспоминаю её коллекцию барби-девочек.

– Конечно, – останавливается она и смотрит на меня с лёгким укором, будто я чего-то не понимаю. – А как ещё связи налаживать? Только игрушками!

– Действительно, – смеюсь и вывожу её через чёрный выход на территорию персонала. Мы немного гуляем по парку, наслаждаясь свежим воздухом и тёплыми лучами солнца, а потом наконец-то добираемся до дома.

За обедом дочка с воодушевлением рассказывает мне о своей новой знакомой Маше. Всё идёт по привычному сценарию: мультфильмы, немного инструкций по часам, и я снова ухожу на работу, надеясь, что не встречу Августа.

Почему вдруг такой интерес к тому, как у меня дела? За мучила совесть, что из-за него я теперь одна, или что? Да и пусть так. Мне не нужен ни муж-изменщик, ни какой-либо другой мужчина. Лучше быть одной.

Возвращаюсь на своё рабочее место и внимательно слушаю указания Натальи.

– Так, через пару дней к нам заезжают первые гости из Алжира. Они говорят по-английски, так что проблем не будет, но я должна тебя предупредить.

Я коротко киваю и делаю пометку в блокноте. Пока что я не сказала ей, что совсем скоро уволюсь. Две недели отбывать не придётся – я всё ещё на испытательном сроке. В любой момент могу просто уехать отсюда ранним утром на автобусе.

– Иногда у нас бывают ночные дежурства, особенно когда

гости заселяются поздно. Через шесть дней это будет твоя смена. В три часа ночи нужно будет встретить гостей из Эмиратов.

Что же такого особенного в этом загородном отеле, что сюда приезжают даже иностранцы?

– Через два дня у нас пройдёт выставка мёда и сыра...

Я стараюсь записывать весь поток информации, но в голове всё путается. Вдалеке замечаю Августа и делаю максимально деловой вид, чтобы не выдать своих эмоций. Затем поспешно выхожу на улицу, чтобы разобраться с гостями на шезлонгах. Некоторые опять оставили полотенца и ушли на обед, чтобы их места не заняли.

Вроде бы ничего страшного, но другим гостям теперь негде полежать и позагорать. А ругаться нельзя – все здесь люди состоятельные, проживание на базе отдыха стоит немалых денег. Когда я впервые услышала цену, чуть не поседела.

Быстро разобравшись с этим вопросом, направляюсь к бару. Несмотря на то, что мы с бывшим мужем вынуждены находиться на одной территории, солнце всё равно греет своим теплом, а вид на бассейн, даже если я и не купаюсь, поднимает настроение.

Вот бы взять выходной и тоже искупаться в этом бассейне до отъезда... Привести сюда Настёну, покатать её в круге, послушать её звонкий смех, когда вода брызжет во все стороны. Надеюсь, такой день всё-таки выдастся, а то пока что я только и слышу, как увеличивается нагрузка, как с каждым

днём становится всё больше дел и ответственности.

Про ночные смены я даже не беспокоюсь — к тому времени мы уже уедем, и мне не придётся оставлять дочку одну в доме для персонала. Эта мысль немного успокаивает, но всё равно на душе тяжело.

Я тяжело вздыхаю и сажусь у пустующего бара, ощущая усталость, которая будто бы прилипла ко мне за эти дни.

— Новенькая? — вдруг спрашивает меня парень лет двадцати пяти, бармен с озорным взглядом и лёгкой улыбкой.

— Да, могу тут посидеть? — я закидываю ногу на ногу, не спрашивая, как он догадался, что я новый администратор. Моя форма и бейдж говорят сами за себя.

— Нашим всё можно, — усмехается он, протирая бокалы. — Не такие избалованные, как эти богачи. Я из нормальных только Августа Викторовича знаю, остальные все, ну... неприятные.

— Понимаю, — улыбаюсь ему в ответ. Так и есть.

— Илья, — вдруг доносится знакомый женский голос. Бармен поворачивается на звук, как и я. Украдкой смотрю в ту сторону, чтобы убедиться, не ошиблась ли — девушка Августа появляется на горизонте, её походка уверенная, взгляд строгий. Она здесь за всеми следит?

— Почему болтаем, а не работаем? — начинает она с претензии, её голос звучит холодно и требовательно.

— Так никого нет, — Илья обводит стойку руками, показывая на пустые места. — Из гостей.

— Раз никого нет, иди на кухню, прими лимоны на напитки.

— Ладно, — нехотя соглашается он, бросая на меня лукавый взгляд и, уходя, подмигивает: — Заходи ещё, красавица.

Я бы, наверное, покраснела, если бы мне было двадцать. А сейчас... Просто стало приятно.

Красота — опасная сила. Из-за неё можно угодить в сеть рыбака, и чёрт тебя оттуда вытащит, только если вовремя не ускользнёшь прямо из рук. Мне всё же удалось.

Хах, что за странные сравнения, Арин? Вспоминаешь своего спасителя и благодетеля, из-за которого оказалась здесь, сбежав?

— Арина, — перебивает мои мысли Елизавета Андреевна. Она садится за барную стойку, и я невольно оглядываю её: прилично одетая, несмотря на жару, с идеальной укладкой и безупречным макияжем. Я думала, она будет только рада щеголять по улице полуголая, но ошиблась.

— Я работаю, — честно говорю я, показывая ей планшет в руках — корпоративный, между прочим. — Делаю расписание киносеансов для ночного кинотеатра.

Не думала, что этим занимаются администраторы, но Наталья скидывает на меня всю скучную и простую работу. Приходится подчиняться.

— Мне кажется, я слишком часто вижу вас рядом с Августом, — она игнорирует мои слова, подпирает голову рукой и смотрит на меня с подозрением.

Ей кажется. Мы говорили максимум два раза. Но перечить ей нельзя — я пока не придумала, куда мы поедem с дочерью, мне нужно ещё немного времени.

— Думаю, это потому, что я ваш новый сотрудник, и он приглядывается ко мне, — отвечаю максимально вежливо и учтиво.

Она прожигает меня острым, пронзительным взглядом, и в следующую секунду выпаливает то, чего я совсем не ожидаю услышать:

— А я думаю, это потому, что вы его бывшая жена.

Глава 8. Арина

– Вы меня с кем-то перепутали, – не отводя взгляда, говорю ровно и спокойно. Внутри всё сжимается, но я не позволяю себе дрогнуть. Она не сдаётся, смотрит упрямо, уверенно, будто видит меня насквозь.

Откуда ей это известно?.. Август рассказал? Как это выглядело? «Видела ту женщину, это моя бывшая, сплавь её как можно скорее?».

Нет, он не сплетник и точно не многословен. Кто бы признался настоящей, что встретил свою бывшую, которая стала таковой после измены? Никто. Нет, это точно не Август. Тогда откуда ей это известно?

Свекровь показывала общие фотографии?

– Не начинайте наше общение со лжи, Арина, – её голос звучит мягко, но в нём сталь. Неприятная такая, скрежещущая. Вроде бы говорит без злобы, без цинизма, но внутри становится гадко. Плохо, что она знает правду. – Я знаю, кто вы.

– Не переживайте, я здесь не для того, чтобы вернуть бывшего мужа, – не юлю, говорю сразу, стараясь держать голос ровным. Сердце предательски сжимается на этих словах. Это ведь правда. Так почему же от одной мысли, что уеду отсюда, становится так одиноко? Я давно поборолла это чувство, быть его не может. Просто осадок остался.

– Я разделяю личное и профессиональное. Я здесь исключительно для работы.

– Надеюсь. Вы выглядите умной женщиной и не захотите войны за мужчину. Тем более, на моей территории.

Я и раньше не думала, что она лапочка, но теперь вижу её настоящую. Она не дура, не глупая фифа, которая не могла бы привлечь Августа. Умная, мыслящая рационально, не поддающаяся на эмоции. А ещё расчётливая – это видно по её хитрым, лисьим глазам.

– Войны не будет, – выдерживаю её взгляд, не отступая.
– Мне это не нужно.

Она чуть склоняет голову набок, будто оценивает меня заново, изучает каждую черту моего лица.

– Тогда мы сможем работать, – говорит она после короткой паузы. – Но предупреждаю: я не терплю интриг.

– Я тоже, – отвечаю. Хочется уже встать и уйти, сбежать от этого ледяного взгляда. – Всё, что меня интересует, – это работа. Для вашего спокойствия: я задержусь здесь ненадолго.

– Хорошо, – она кивает, и уголки её губ чуть поднимаются в почти незаметной улыбке. – Скажите мне, когда решите уехать. Я лично закажу вам такси до города.

И вся такая милая, что аж челюсть сводит от напряжения.

– Буду иметь в виду. Я могу идти работать?

– Идите, – кивает она.

Я спрыгиваю со стула, хватаю планшет и, чувствуя на спине её испепеляющий взгляд, несусь в здание отеля. Погля-

дываю на часы. Странно – малышка даже ничего не писала. А уже пора обедать. Видимо, заигралась со своей новой подругой.

Пытаюсь забыть о недавнем разговоре, заказываю ей покушать и спешу в детскую комнату. Там моя крошка сидит одиноко за столом, что-то рисует. Я сразу подхожу к ней сквозь шум и крики детей.

– А ты чего тут одна? Где твоя подруга? Родители забрали? А ты чего мне не пишешь, Настён?

Сердце обливается кровью за малышку, а она радостно поднимает голову, подхватывает лист и показывает рисунок, где изображены две девочки. Одну я узнаю сразу – у Настёны есть точно такой же сарафан.

– Во! Кр-расиво?

– Красиво, – растерянно шепчу, чувствуя, как в горле встаёт ком.

– Хор-рошо, – бережно кладёт листочек на стол и разглаживает его маленькими ладошками. – Это Маше. Её забрал папа, но я решила посидеть ещё и пор-рисовать. У меня в комнате листочков осталось мало.

– Моя ты крошка, – целую её в висок, растаяв от такого подарка. – Я сегодня же принесу тебе ещё листочков.

– Хорошо! А теперь пойдёт домой? Хочу в кроватку, устала.

– Пошли, – подхватываю её на руки и крепко прижимаю к себе. За полдня так соскучилась, что просто нет сил. Обни-

маю её ещё крепче, отрываю от стула и аккуратно ставлю на ножки. – Рисунок свой не забудь.

– Да! – радостно откликается она, быстро хватая рисунок и закидывает рюкзачок за спину. – А то будет некрасиво! Маша мне подарила одежду для кукол, а я ей одну куклоку, но мне показалось, что этого мало! И я нарисовала нас!

– Умничка, – улыбаюсь ей, чувствуя тёплую волну гордости. – Думаю, ей очень понравится.

Пока она взахлёб рассказывает, как провела полдня, мы привычно идём домой. Обедаем, смотрим мультики, смеёмся. В свободную минутку повторяем изученные буквы – мы активно занимаемся, и уже дошли до буквы «Й».

– Йод, – ходит она по комнате, задумчиво перебирая слова. – Йожик...

– Нет, – тихонько и ласково смеюсь, чтобы не обидеть её. – Ёжик на букву «ё». Забыла?

– Ой, – смущённо прикрывает губки ладошкой. – И ёлка на букву «ё»... Как мало слов на букву «Йо»!

– Ладно, котёнок, подумай пока, какие ещё могут быть слова, а мне нужно поработать. Тебе что-нибудь принести?

Она отрицательно качает головой, берёт планшет и устранивается на кровати. Вот и позанимались – теперь можно и мультики посмотреть. Но я сама виновата, не могу сейчас уделить ей достаточно внимания.

Собираюсь, машинально иду к выходу.

– Мамуль, погоди, это не мой! – вдруг слышу за спиной

её голос.

А? О чём это она?

Не успеваю обернуться, как слышу глухой звук падения. Поворачиваюсь и вижу, как дочка летит на пол и больно ударяется локтями о пол. А через секунду раздаётся пронзительный детский плач, который парализует и в ту же секунду даёт силы стартануть.

Подлетаю к ней, аккуратно поднимаю.

Вот же дети! Сколько бы не падали, всё равно каждый раз душу выворачивают!

– Тише, котёнок, тише. Сильно ударилась?

Она всхлипывает, трёт локоточки и плачет навзрыд.

– Больно-о-о... Я хотела маме планшет вернуть, запуталась в пледе, и...

Сквозь слёзы она едва выговаривает слова, а я торопливо утираю её мокрые щёки.

Внутри всё сжимается от её плача и беспомощности.

Осматриваю локти – они покраснели, но на одной руке идёт кровь. Несильно, всего две-три царапины. Откуда? Смотрю на пол и понимаю – у планшета, который она несла и уронила первым, треснуло стекло. Видимо, она упала прямо на него и поранилась.

– Я его р-разбила-а-а... Маму нар-ругают!

– Солнце моё, – улыбаюсь сквозь тревогу, стараясь сменить её настрой. – Я рада, что ты переживаешь за маму, но давай сначала сходим к медсестре, а потом уже разберёмся

с планшетом, хорошо?

Она шмыгает носом, но согласно кивает.

Аптечки у меня с собой нет, поэтому первым делом веду ребёнка в медпункт. А планшет... Чувствую, мне за него достанется, но сейчас это последнее, о чём я думаю.

Глава 9. Арина

– Вот и всё, – мягко улыбается медсестра, приклеивая маленькие пластыри на наши порезы. Протягивает Настёне яркую конфетку, и моя крошка чуть смущается, словно не знает, можно ли брать.

– Держи, заслужила. За то, что не плакала.

Настёна неуверенно, но с благодарностью берёт конфету и тихо говорит:

– Спасибо.

Они обмениваются коротким, тёплым взглядом. Екатерина Семёновна переводит всё внимание на меня, прищуривается по-доброму:

– Вот и всё, а вы боялись. Пару царапин, ничего страшного.

– Я каждый раз боюсь, когда с ней что-то случается, – признаюсь, чувствуя, как внутри снова накатывает тревога. – У неё часто ранки гноятся, если не ухаживать. Сепсис, кажется... вот боюсь.

– Теперь понятно, чего вы так прилетели, – кивает она понимающе. – У самой у дочки такая же беда. Загляните ко мне завтра, я посмотрю, как заживает, и ещё раз обработаем.

– Хорошо, – беру дочь за руку, её ладошки прохладные – переволновалась. Всегда так было, когда ей страшно. – Мы тогда пойдём, а то я уже на работу опаздываю.

– До свидания, Арина Михайловна.

Мы выходим из медпункта и направляемся к нашему домику. На улице жарко, тревога постепенно отпускает, но мысли становятся на место. После одного случая я слишком остро реагирую на любую болячку у Насти.

Одна вышла мне боком. Пришлось влезть в долги, а теперь... теперь я живу настороже. Деньги давно отданы, но человек, которому я была должна, не отпускает. Его тень будто всё ещё где-то рядом.

С тех пор я поняла: лучше перебдеть, чем потом снова видеть, как мучается твой ребёнок.

– Мамуль, а тебя точно не поругают из-за планшета? – со вздохом спрашивает Настёна, тревожно заглядывая мне в лицо.

– Всё будет хорошо, – уверяю я её и сжимаю маленькую ладошку. А сама надеюсь, что мне сделают лишь выговор. Волнуюсь ужасно. Ненавижу чувство вины, особенно когда ломаешь чужие вещи — и, конечно, дорогие.

Выбора нет. Отвожу дочку домой, проверяю планшет и чувствую, как холодеет внутри — экран тёмный, не включается. По виду и не скажешь, но он мёртвый. Вздыхаю, натягиваю улыбку, собираю остатки смелости и иду к Наталье.

Нахожу её в нашем кабинете — она склонилась над бумагами, волосы аккуратно убраны, глаза сосредоточены.

– Уф, Арин, – раздражённо начинает она, даже не поднимая взгляда. – Опаздываешь уже в который раз. У нас обед

сорок минут, а ты каждый раз пропадаешь на час. Ладно, пока я тут, прикрываю. Но когда уеду в город — всё будет на тебе. Так что давай уже вливайся в работу, без поблажек.

— У меня дочка упала, — тихо отвечаю, чувствуя, как по лицу скользит усталость. Ни капли вины. Мне дочь важнее любых бумаг. — Мы ходили к Екатерине Семёновне, в медпункт.

— Серьёзное что-то? — голос Натальи тут же смягчается. Она строгая, но, в глубине души, понимающая.

— С ней всё в порядке, а вот с моим рабочим планшетом... — начинаю неуверенно, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Я достаю устройство из пакета и кладу на стол — экран треснул, в уголке паутина трещин, будто отпечаток моей неудачи.

— Дочка уронила его... и теперь не включается. Может, можно отдать в ремонт по-тихому? Или... что мне делать?

Наталья сначала просто смотрит — то на планшет, то на меня. В её взгляде мелькает удивление, потом лёгкий страх. Конечно. Нам ведь отчитываться перед Августом.

— Ремонт не получится, — наконец произносит она, нахмурившись. — Надо везти в город. А это значит — ждать, пока кто-то решит поехать в свой выходной. Или просить водителя Августа. Но ты же понимаешь, что босс всё равно узнает? Придётся вычитать из зарплаты.

— И... много он стоит? — голос предательски дрожит.

— Одну треть твоей месячной зарплаты.

– Многовато, – выдыхаю я, чувствуя, как сердце падает куда-то в живот.

За то время, что я планирую здесь остаться, я столько не заработаю. Платить из собственного кармана? У меня не так уж много денег.

– Ладно, – Наталья решительно встаёт из-за стола, словно берёт ситуацию под свой контроль. – Сейчас позвоним боссу, спросим, что делать. Он человек нормальный, добрый. Если скажешь, что дочка случайно разбила, может, сжалится. У него семья на первом месте.

Я замираю. На секунду просто перестаю дышать.

Сказать про дочку?..

А дальше что? Вопросы? Разговоры? Знакомство?..

Я ведь могу соврать, сказать, что это не его ребёнок. Конечно, могу.

Но внутри всё протестует. Не хочу, чтобы он знал о Насе. Не хочу, чтобы кто-то касался этой части моей жизни. Даже Наталья не могу объяснить почему.

Господи, как же это всё сложно...

Пока я тону в мыслях, Наталья уже прикладывает телефон к уху.

– Август Викторович, извините, что отвлекаю, – говорит она с подчеркнутым спокойствием. – У нас небольшая проблема. Новый администратор разбил рабочий планшет. Что нам делать?

Я стою рядом, словно школьница у директора, виноватая,

но не способная объяснить, что всё случилось случайно.

В груди щемит, ладони холодеют.

– Да, хорошо, я поняла, – говорит Наталья после короткой паузы.
Она отключается, тяжело выдыхает и бросает на меня взгляд, в котором сочувствие смешано с усталостью.

– Он сказал, чтобы ты подошла к нему. Он у себя.

Сердце делает глухой удар, будто спотыкается.

Подойти. К нему.

Да лучше бы из зарплаты взяли...

И снова — будто удар под дых.

– А ты со мной пойдёшь?..

– Нет, – отвечает она таким тоном, словно разговаривает с маленькой. – Ты сама всё объяснишь. Он у нас добрый, может, повезёт.

– Не хочу, – сглатываю. И сейчас действительно веду себя как маленькая. – Вдруг его ревнивая Елизавета Андреевна не так поймёт?..

Наталья взмахивает рукой.

– Она сейчас на йоге. Всё, Арина, хватит капризничать. Иди.

Вручает планшет и практически выталкивает меня за дверь.

– Удачи.

Коридор тих, гулкий.

Я стою, как в западне. Всё внутри — как тот разорванный провод: искрит, дергается.

Идти к нему... самой? Добровольно? Да никогда!

Но... если я не пойду — он решит, что я боюсь его. Избегаю. А это не так. Прошрое давно закрыто.

Сцепив зубы, будто держусь ими за реальность, иду к лифту.

Через пару минут я уже на самом верхнем этаже. Эти коридоры я успела изучить.

Подхожу к двери. Стучу. Тишина. Решаю приоткрыть — и заглядываю.

Ком встаёт в горле мгновенно.

Всего одна картинка — и тысяча воспоминаний. Как будто нажали кнопку «play» внутри меня.

Он такой... домашний.
Сидит за столом: белая футболка, такие же спальные штаны, одна нога небрежно закинута на стул, прижата к корпусу. Он всегда любил так сидеть.
Поправляет очки. Пишет ручкой что-то на листах.

Я чувствую ту атмосферу... Ту самую... Наши вечера. Тёплые, домашние, когда мир сужался до наших двух кружек чая и стола, на котором стоял ноутбук и разбросаны листы.

Сейчас передо мной не строгий начальник, у которого сотни людей подчиняются по одному звонку. Передо мной — мой обычный Август. Такой, каким я знала его когда-то.

Он замечает меня краем глаза, отпускает ручку и снимает очки.

– Напугала, – говорит искренне, рефлекторно хватаясь за сердце.

– Я стучалась.

– Задумался, – он поднимается из-за стола. Подходит ко мне, без лишних слов забирает у меня планшет, оглядывает его, пытается включить.

– Не помню, чтобы ты разбирался в технике, – вырывается у меня.
Слово — как выдох. Может, от ностальгии.

– И не разбираюсь, – спокойно отвечает. – Не включается. Пусть Наталья выдаст тебе другой.

– А этот? – спрашиваю глухо.

Он даже не оборачивается. Кидаёт планшет на диван. Я вздрагиваю — боюсь, что он ударится о пол. Его ведь можно ещё спасти...

– Отвезём в ремонт. Невелика потеря.

– Мне заплатить за это?

– Не надо.

– Спасибо, – тихо шепчу. Смотрю в сторону — не могу выдержать его взгляд. Он всё тот же. Только усталый. Потухший. – Тогда я пойду?..

Не дожидаясь ответа, разворачиваюсь. Иду к двери. Закусываю губу до боли — лишь бы вытерпеть давление в груди. Дыхание сбивается, сердце словно рвётся наружу. Паника накатывает волной.

Прекрати, Арин. Осталось всего пару шагов. Переступить порог.
Просто выйти и вдохнуть другой воздух — чужой, не его. В котором нет этого запаха... его одеколona. Того самого, что был со мной много лет назад.

Хватка на запястье не даёт сделать спасительный шаг. Его пальцы — горячие, уверенные — одним движением возвращают меня назад.

Август?.. Зачем ты это делаешь?..

Он разворачивает меня лицом к себе. Близко. Слишком близко. И вдруг его взгляд — прямой, глубокий — как будто проваливается в самое нутро.

— Мы не договорили, — произносит тихо.

Он отпускает моё запястье — только затем, чтобы положить руку мне на талию. Фиксирует. Чтобы я не выскользнула, как делала раньше. Чтобы не убежала.

Я почти физически чувствую, как дёргается внутри желание — чтобы прямо сейчас в эту дверь вошла его новая женщина. Чтобы увидела его таким. Чтобы поняла, какой он человек. Что он способен изменить не только бывшей жене... но и настоящей.

— Не о чем говорить, — выдыхаю, запинаясь.

Он не мигает. Смотрит изучающе, будто проникает в мой мозг, где сейчас одинокая обезьянка бьёт в барабаны.

— Моё окно выходит на дом для персонала, — тихо произносит он, не отводя от меня взгляда. — Я видел, как ты вышла оттуда... с маленькой девочкой.

Пауза.

Видел, как я вела Настёну в медпункт...

— Это твоя, Арин?

Глава 10. Август

Опять Маша убежала. Только пришла с игровой комнаты, покушала и тут же побежала с водителем собирать цветы. А мне как-то... Одиноко. Она всегда требует моего внимания, куда-то тянет меня, то в бассейн, то на конюшню, то на машине покататься.

Включи мозги, Август. Ей скучно сидеть в четырёх стенах, со взрослым мужчиной. А там, в детской комнате, есть другие дети. Они куда интереснее для общения, чем я, вечно говорящий только о работе. Надо расслабиться и перестать переживать.

Я открываю окно, чтобы проветрить комнату, вдохнуть свежего воздуха. Невольно опираюсь на подоконник и начинаю рассматривать прохожих, будто ищу среди них своих работников, проверяя, чем они заняты.

И Машеньку, да. Вдруг увижу, как они тырят цветы с клумб.

Бармен стоит за стойкой, садовник косит траву где-то вдали, у самого забора, подальше от гостей. Один из поваров выходит из дома для персонала и, кажется, спешит на смену. Я бросаю взгляд на часы — верно, обеденный перерыв закончился.

Уже собираюсь отойти от окна и закрыть его, но мелькнувшая внизу фигурка заставляет меня задержаться.

При виде её внутри будто рассыпаются искры. Они оседают на сердце и обжигают изнутри.

Когда не вижу Арину — все мысли только о ней. Когда вижу — хочется сдохнуть.

Столько лет прошло, а чувства остались. Они никуда не исчезли, не пропали, только притихли на время. И стоит лишь услышать её имя, встретить взгляд — всё возвращается, просыпается ото сна.

Я стою, прижимая пальцы к раме окна.

А это что за девочка?..

Она держит её за руку, но больше ничего не разглядеть — слишком далеко, слишком быстро всё происходит.

Они спешно идут по дорожке и скрываются за зданием, исчезая из моего поля зрения.

Я не двигаюсь. Просто смотрю в ту точку, где они только что были.

Это её малышка?.. Нет, это ведь невозможно. У Арины всегда были проблемы со здоровьем. И когда она наконец-то забеременела, я всё разрушил. Мы потеряли ту тонкую ниточку, что могла бы связать нас. Она оборвалась.

Теперь я одновременно счастлив и несчастен. А она? У неё получилось? Может, проблема была не в ней, а во мне?

Станные ощущения подступают изнутри. То ли внезапная тёплая радость за неё, то ли острая, колющая боль между сердцем и солнечным сплетением. Больновато.

Но не мне об этом говорить.

После того, как она ушла, я решился на суррогатное материнство — оплодотворил суррогатку нашими материалами. Потому что не мог выжить без Арины. Я нашёл себе новую опору — Машу. А она... Так и скиталась в одиночку?

Я отрываюсь от окна, как в тумане дохожу до стола, падаю на стул, хватаю ручку и начинаю что-то чертить на бумаге. Пытаюсь успокоиться, занять мысли, просто не думать об этом.

Не получается!

Я откидываюсь на спинку стула, устало запрокидываю голову и прикрываю глаза.

Как же паршиво...

И уволить её не могу, чтобы не видеть. Это слишком даже для меня. Наоборот, я хочу, чтобы она осталась. Чтобы видеть её каждый день. Знать, что с ней всё в порядке. А не гадать, где она, что с ней, не исчезла ли, как тогда. Я ведь искал её, пытался найти, а она словно сквозь землю провалилась.

А потом, с рождением дочки, я отпустил. Появились новые заботы, свои обязанности.

Если бы я тогда нашёл её, рассказал бы ей о Маше?

Вряд ли. Мне было бы стыдно, что я сделал это без её разрешения. Она бы разочаровалась ещё сильнее, забрала малышку, а я остался бы один, без якоря в этой жизни. Не смог бы — смелости не хватило.

А сейчас?

Я сжимаю кулаки от злости на самого себя.

Телефон на столе пищит, и я хватаю его как можно быстрее, чтобы отвлечься от мыслей, от которых бегу теперь каждый час после появления Арины.

Кто там? Наташа? Что случилось?

Я коротко выслушиваю её отрапортованную речь. Слышу проблемы, имя своей жены, и без раздумий выпаливаю:

— Пусть зайдёт ко мне.

Отключаюсь. Пульс бешено учащается от одной только мысли, что она сейчас придёт. Или не решится? Убежит? Нет, Арина не из тех, кто трусит. Она придёт. Обязательно придёт.

Проходит десять мучительно долгих минут — и вот она действительно появляется. Даже говорит со мной, пытается делать это налегке. Но быстро пытается убежать, чего я не даю ей сделать.

Увидев её спину, возникает мысль, что я вижу её в последний раз.

Хватаю за запястье, притягиваю к себе. Пальцы покалывает, всё тело напрягается от её близости. В нос резко бьёт аромат её волос — он изменился, стал другим, как и она сама. Взгляд стал взрослее, но сейчас в нём снова появляется растерянность, когда я прижимаю её к себе. Чувствую жар её тела даже сквозь одежду. И дышать перестаю. Лёгкие сводит, горло тоже.

Так и хочется коснуться её щеки, провести по ней, по губам, которые так любил целовать. Хуже сделаю. Возненави-

дит ещё сильнее.

— Моё окно выходит на дом для персонала, — тихо произношу, не отрывая взгляда. — Я видел, как ты вышла отсюда... с маленькой девочкой.

Делаю паузу. Не знаю, как спросить, слова застревают в горле, но всё равно рвутся наружу.

— Это твоя, Арин?

Она удивлённо хлопает ресницами.

— Нет, — утыкается ладонями в мою грудь, пытается отстраниться. Я рефлексивно сжимаю её крепче. Она понимает, что не вырвется, плечи опускаются, голос становится спокойнее: — Это дочка гостя. Я нашла её гуляющей неподалёку от дома. Она поцарапала руку — я отвела её в медпункт и нашла родителей. Отпусти.

Отпусти.

Последнее слово как приказ.

А я не хочу. Вот такой эгоистичный поступок. Делаю больно ей, себе.

Свободная ладонь сама ложится на её щеку. Разглядываю каждый миллиметр: линию века, пушистые ресницы, маленькую тень в уголке глаза, мягкие розоватые губы.

Она сразу же протестует — хватает мои пальцы, пытается отодвинуть, как будто это прикосновение — слишком. Как будто я чужой человек. Не имею на это права. Так и есть — не имею.

А я ни на что не надеялся. Мне нужно было это прикосно-

вание. Как глоток свежего воздуха. Понять, что она реальная и не пропадёт.

— Август, отпусти, — снова говорит она с нажимом. Для меня этот запрет — как вызов. Хочется сделать всё наперекор, как упрямый ребёнок. Медленно наклоняюсь к её лицу, в голове стучит мысль поцеловать её. Но я не собираюсь этого делать — знаю, после этого она упорхнёт, не моргнув и глазом.

А мне нужно, чтобы она осталась.

— Хорошо, — выдыхаю ей почти в губы и медленно отстраняюсь, собирая все свои силы.

Отпускаю её, отворачиваюсь к окну, прикрываю глаза. Стараюсь думать о дочери. Где Маша? Почему они ещё не надёргали эти цветы?

Навязываю себе эту мысль. Думаю только о малышке. Лишь бы не слышать хлопок двери, раздающийся за спиной.

Сжимаю до боли кулаки.

Проклятье. Как и дальше держать себя в руках?

Прийти в себя помогает дочка. Она возвращается вместе с водителем через двадцать минут. И я беру её в охапку и иду гулять по территории отеля. Я немного успокаиваюсь, гашу эту проклятую одержимость этой женщиной, от которой думал избавился. А она с ней каждый раз снова просыпается.

На следующий день дочка снова просится в детскую комнату. Отвожу её, занимаюсь своими делами, провожаю Лизу в город.

Возвращаюсь в номер, не успеваю сесть за работу, как в дверь стучат и через секунду в неё влетает Машенька. Вся такая хорошенькая, улыбается миленько.

Так... Что-то кто-то натворил.

– А я разве не отвёл тебя в?.. – встаю из-за стола и тут же замолкаю, когда вижу, что малышка пришла не одна. А с... подружкой?

Глава 11. Август

Август

Приглядываюсь к дочке и стеснительной малютке, прячущейся за её спиной. Рядом стоит водитель — тот самый, которого Маша иногда принимает за няньку.

— Папуль, это Настя! — торжественно объявляет дочка и тянет скромнягу в номер.

Я внимательно смотрю на девочку и не могу вымолвить ни слова. Если бы не знал, что у меня одна дочь, решил бы, что на пороге стоят сестры-двойняшки. Может, у меня двоится в глазах? Моргаю несколько раз. Нет, не показалось.

— Моя подружка! Хочу кукольный домик доделать. Мозя?

— Мозя, — хрипло отвечаю, переводя взгляд то на двух девочек, то на Альберта. Водитель пожимает плечами, мол, он тут ни при чём. А я что? Я не против — пусть девчата играют. Просто слегка опешил. Да, они похожи, но если приглядеться — есть отличия: щёчки разные, цвет глаз и носики чуть отличаются.

Выдыхаю, решив, что просто перенервничал.

— Привет, Настя, — наконец прихожу в себя и знакомлюсь с девочкой. — Проходи, не стесняйся.

Машуля тут же тащит подругу в комнату.

— Не бойся! Папа у меня хороший! Да, папуль? — лас-

ково обращается ко мне, хлопая длинными ресничками. Не могу не улыбнуться — маленький манипулятор.

— Кусаться точно не буду, — шучу по-доброму, откладывая все документы в сторону. Всё, никакой работы. У меня дочь домой подругу привела! Надо уделить им время, похлопотать. — Настя, да?

Она скромно кивает, всё ещё крепко держась за Машину руку. Видно, что хорошенькая, не избалованная. Слегка боится, но держится прямо, с достоинством. Кого-то мне напоминает, только не могу понять, кого. Явно дочка богатых гостей, а большинство из них я знаю.

Ладно, не буду забивать себе голову.

— Меня Август зовут, — мягко улыбаюсь, протягивая ей широкую ладонь. Настя нерешительно смотрит на неё, чуть сжимается, прячется за дочку. Совсем незаметно. Напугал? Блин. Меня Машуля никогда не боялась, я даже не знаю, что делать. — Будем дружить?

Она прижимает к себе ручку, но, немного подумав, кивает и уже чуть улыбается, протягивает мне свою ладошку.

— Дядя Август? — спрашивает так нежно, что у меня внутри всё тает.

— Можно так, — добрее становлюсь на глазах. Вспоминаю Машу, которая всегда становится такой же лапочкой, когда ей что-то нужно. — Конфеты с чаем будете?

— Будем! — отвечает за двоих дочка. — Ты, папуль, не пележивай. Ой, не пер-реживай. Иди работай в свой кабинет,

а мы тут тихонечко посидим.

— А, то есть папа тебе для домика уже не нужен?

— Нет, ну если хочешь с нами поиграть!

— Спасибо, что разрешила, королевична моя, — кланяюсь в шутку, вызывая улыбку у Насти и счастливую улыбку у своей дочки. — Бегите, сейчас всё принесу.

Маша гостеприимно тянет малышку в свою комнату. А я не могу не порадоваться за дочь. Насыпаю гору конфет в тарелку — те самые, которые иногда прячу от Маши из-за её зубов. Но сегодня ведь можно чуть-чуть?

Готовлю две кружки чая — горячей и холодной воды пополам. Вроде всё?

Беру поднос, аккуратно всё расставляю и направляюсь в комнату Маши. Захожу — и снова не могу привыкнуть к этому обилию розового. Ох, нет, надолго я здесь не задержусь. Вспоминаю, почему в прошлый раз мы так и не собрали домик — у меня рябило в глазах.

Девочки уже сидят на полу, на ковре перед тем самым домиком, который даже выше их обеих.

Аккуратно ставлю поднос между ними и сажусь на кровать, наблюдая за их счастливыми лицами.

— Настён, — зову тут же незнакомую малышку.

— Да? — лепечет она опять испуганно, её голос дрожит, а глаза широко распахнуты от тревоги.

— А твоя мама знает, что ты здесь? — спрашиваю первое, что приходит в голову любому взрослому человеку. Я бы

Машу никогда не отпустил в гости к незнакомому человеку, только с водителем или Лизой. А тут она совсем одна, такая маленькая и беззащитная.

Настя приоткрывает губы, чтобы что-то ответить, но тут же осекается. Опускает взгляд в пол, нерешительно мнёт тонкую ткань своего сарафана маленькими пальчиками.

– Нет, – тихо признаётся она, и в этом коротком слове слышится страх и растерянность.

Я мгновенно напрягаюсь, внутри всё сжимается от тревоги. Представляю эмоции её родителей, и сам будто бы теряю свою дочку. Сердце начинает биться чаще.

– Ты знаешь мамин номер? Я могу позвонить ей, предупредить, что ты у нас? – стараюсь говорить мягко, чтобы не напугать её ещё больше.

Настя снова теряется, её плечики поникли.

– Мама тут работает, – грустно говорит малышка, едва слышно. – И забирает меня в обед. Она не узнает, что я тут. Я потом быстренько вернусь...

Значит, она дочь кого-то из персонала? Может, мне стоит самому найти её маму и сказать, где её дочка? Тревожно как-то.

– Дядя Август, не говорите ей, пожалуйста, – вдруг Настя вся сжимается, словно маленький комочек, и смотрит на меня умоляюще. – Мама будет волноваться. А так не будет. Я всего на десять минуточек...

Я бросаю взгляд на часы. До обеда ещё два часа. Может,

ничего страшного не случится, если они побудут здесь часик-другой? А потом я сам отведу её туда, куда скажет.

Внимательно вглядываюсь в Настю, терзаемый сомнениями и вопросами. Где-то я уже видел эту девочку...

Да только припомнить не могу. Мельком, может.

Хм... А не та ли это малышка, с которой Арина тогда выходила из дома для персонала?

Вряд ли. Я не видел её так отчётливо — образ был слишком далёким и размытым. Я просто видел девочку. Всё.

А эти схожие черты — просто обман зрения.

— А как зовут твою маму? — почему-то продолжаю расспрашивать. Зачем мне эта информация? Может, поискать её среди сотрудников и предупредить? Да, точно.

Малышка вдруг смущается, хмурит бровки, опускает глаза.

— Мама... Так и зовут.

Машенька тихонько, чтобы не обидеть подругу, хихикает, прикрывая рот ладошкой.

— Ты не знаешь имя мамы? Это как? Я вот знаю, что папу Август зовут. Красивое имя!

— Потому что меня часто называют по имени и отчеству, — улыбаюсь, треплю Машу по макушке, и надеюсь, что её подругу не заденут эти слова. — А маму Насти, видимо, редко.

— Да... — тихо соглашается Настёна, всё ещё немного смущённая.

— Ладно, — улыбаюсь шире и встаю, чтобы больше не смущать девочек своим присутствием. — Я присоединюсь к вам попозже. Справитесь сами?

— Конечно, папуль, — в унисон кивают обе, уже увлечённо расставляя игрушечную мебель по комнатам деревянного домика.

Не задерживаясь, выхожу из комнаты. Останавливаюсь в коридоре, глубоко выдыхаю. Надо бы немного отдохнуть, а то мысли лезут в голову самые разные.

Только делаю шаг, как за спиной слышу прорезавшийся голос Насти:

— Твой папа такой большой... — она пытается шептать, но в голосе столько удивления, восхищения и даже немного страха. — Я та-а-ак испугалась. Он во-о-от тако-о-ой...

Невольно усмехаюсь, чувствуя, как уголки губ поднимаются. Вот почему она меня так испугалась — боится больших дядек. А я и правда не маленький: метр восемьдесят пять, да ещё и сто килограммов мышц.

Маша меня никогда не боялась, а вот другие дети иногда шарахались. Всё думал — чего это они?

— А у тебя папа не такой? — спрашивает Машуля с искренним удивлением, будто не понимает, что не у всех папы такие.

— У меня его нет, — неожиданно шепчет Настя, голос становится совсем тихим. — Но был один дядя, который хотел стать им, но мама не захотела, и мы сбежали. Только т-

с-с-с...

Что? Кто-то бежит от мужика? Сжимаю кулаки, потираю подбородок. Вмазать бы такому — и всё. Или всё сложнее?

— Ой, нет. Папа у меня хороший, от него убегать не нужно! — быстро добавляет Маша, будто хочет развеять тревогу подруги.

Улыбаюсь, отрываюсь от двери и иду на кухню. Сажусь за стол, снова погружаюсь в бумаги и отчёты.

Не проходит и двадцати минут, как из комнаты выглядывает моя Кнопка. В глазах озорные искорки.

— Папуль, — довольно и мило шепчет она.

Откидываюсь на спинку стула, уголки губ сами собой тянутся вверх. Что на этот раз задумала моя маленькая хитрюга?

— А ты меня любишь?

— Ближе к делу, солнышко, — прищуриваюсь.

Ресничками хлоп-хлоп, взгляд невинный.

— А сделаешь Насте красивую причёску? Её мама не успела сегодня заплести... — просит она, чуть склоняя голову и глядя на меня с надеждой.

Когда я решился на дочь, я и представить не мог, что однажды научусь плести причёски и меня будут уговаривать делать их ещё и её подругам. Но разве в этом есть что-то сложное? Заодно и подсмотрю за ними, узнаю, о чём шепчутся.

— Хорошо, сделаем, — говорю, вставая из-за стола и возвращаясь вместе с дочкой в комнату. Машуля уже по-хозяй-

ски разложила все свои красивые заколки и ободки, высыпав содержимое своей волшебной коробки с украшениями. Она сияет от предвкушения, её глаза горят азартом.

Настя, напротив, всё так же скромно выбирает всего одну заколку и робко мнётся в стороне, боясь подойти ко мне. Как только моя дочь уговорила её на это? Мне становится неловко от того, что меня так боятся, но я привычно хлопаю по кровати, приглашая её сесть.

– Садись, садись, – командует Маша, подталкивая Настёну ко мне. – Папа, во, причёски делает! Папуль, сделай лучшую!

– Есть, шеф, – серьёзно отвечаю ей, стараясь не улыбнуться слишком широко, чтобы не напугать Настю. Подруга дочери нерешительно садится рядом, вся напряжённая, держится прямо, как маленькая аристократка: осанка, гордо вздёрнутый подбородок. Ну эти девочки... Стоит только заняться их красотой, как вся стеснительность куда-то исчезает.

Я не раздумывая приступаю к делу, следуя наставлениям своей малютки, которая уже решила приукрасить и себя, и подругу, нанеся немного блёсток из своего детского косметического набора на их лица. Теперь всё вокруг сверкает: волосы, подушки, даже мои руки. В комнате разливается звонкий детский смех, и я тоже не могу сдержать улыбку.

Мы так хорошо сидим, что я совсем забываю о времени. Поглядываю на часы, и Настя, словно почувствовав что-то

неладное, шепчет:

– Десять минуточек уже прошло?..

– Прошло, – грустно отвечаю, умалчивая, что прошло уже больше часа. Зацепляю последнюю заколку и с облегчением вздыхаю. – Всё готово. Смотришь.

Девочка подлетает с кровати, подходит к зеркалу, и на её лице тут же появляется восхищение. Она выдыхает в изумлении, осторожно гладит себя по волосам, будто не верит, что это действительно она.

– Это так... красиво! Я правда могу взять это? – с надеждой спрашивает она, указывая на заколки.

– Конечно можешь, – с радостью отвечаю. У нас этого добра столько, что уже некуда складывать. Почти всё новое – Маша скупает всё, что ей нравится, но потом может и не носить. Запас на чёрный день, как она говорит.

– Спасибо большое, – шепчет Настя, всё ещё крутясь у зеркала. Но её улыбка вдруг гаснет, и она взволнованно оборачивается. – Мама ждёт.

– Пойдём, отведём тебя с Машей. Тебя в домик для персонала?

– Нет, – мотает головой. – В детскую. Мама там меня оставляла.

Видимо, пока работает, она отводит Настю в игровую, где они с Машей и познакомились. Нам не трудно – мы отведём девочку обратно в игровую комнату. Ещё минут пять наблюдаю, как мелкие договариваются встретиться здесь же

завтра. Так и хочется подойти к дежурной по игровой, спросить, кто мама Насти, но, как назло, никого нет. Узнаю, чья сегодня смена – получит выговор. Если детей почти нет, это не значит, что можно прохлаждаться.

Только собираюсь позвонить Наталье, администратору, как звонок перебивает сообщение от Лизы: она уже подъезжает к воротам. Я подхватываю Машулю на руки, прощаюсь с Настей, и мы вдвоём идём встречать мою помощницу, так и не узнав, кто мама подруги моей дочери.

Глава 12. Арина

Наконец-то от малышки приходит смайлик домика. Я уже начала переживать и с нетерпением ждала обеда, чтобы поскорее побежать за ней. Впервые ребёнок так долго молчал, даже сердечка не прислал.

И сейчас я буквально лечу к ней на всех парах, соскучившись до боли. Надо будет узнать, когда у меня будет выходной, чтобы провести день с дочерью и продумать, как и куда мы дальше поедem. Пока я только работаю и не могу найти ни минутки для себя.

В игровой комнате на удивление пусто. Ни воспитательницы, ни детей. Только моя малютка стоит за детским забором и машет мне ручкой, призывая к себе. Сердце сжимается от нежности и облегчения.

Я в шоке смотрю на причёску Настёны. Сегодня я отправляла её сюда совсем не так — мы проспали, и я успела завязать ей только хвостик. А сейчас... На голове целый колосок, аккуратно заплетённый змейкой, украшенный нежными заколками. Неужели это её так Эля, дежурная, заплела?

— Мамулечка! — радостно зовёт она, летя мне навстречу. Я обнимаю её, всё ещё удивлённо косясь на её волосы. Забираю Настю без предупреждения — всё равно здесь никого нет. Как начальница я должна бы сделать выговор, но некому. Как-нибудь потом.

А пока мы идём на выход, причём новым путём, чтобы Август со своего окна не увидел меня вновь.

— Кто тебя так заплёл? — интересуюсь у радостной дочки, стараясь говорить спокойно.

— Папа Маши! — вдруг выдаёт она, и я едва не останавливаюсь от неожиданности. Но, взяв себя в руки, иду дальше. Нам нужно как можно быстрее добраться до нашей комнаты, чтобы не столкнуться с бывшим мужем. Второй раз отговорка про «дочь гостя» уже не прокатит.

— А как?..

— Мамуль, только не ругайся, — она сильнее сжимает мою ладонь своими маленькими пальчиками. Я уже чувствую, как во мне закипает тревога, но стараюсь сдержаться. — Маша позвала меня к себе, пособирать кукольный домик. И я согласилась...

То есть мой ребёнок всё это время был непонятно где?..

Я никогда не думала о ремне. Никогда не ругала её, да и повода не было — Настёна не балованная, спокойная. Но сейчас... переходит все границы.

— Мы пришли, а там был её папа! Он добрый, хоть и большой, и высокий! — радостно и воодушевлённо щебечет она, её глаза сияют.

В груди что-то болезненно сжимается. Перед глазами всплывает образ Пятницкого. Твой папа тоже большой и высокий, Настён...

— Маша рассказала, что он красиво делает косички. И

попросила его сделать мне. Поэтому вот, — она гладит себя по волосам и выглядит такой счастливой, что ругать её совсем не хочется.

— Насть, — но всё же я включаю строгую маму. — Нельзя так делать. Ходить в гости к другим людям без моего разрешения и тем более без одобрения родителей Маши. Ты могла бы позвать меня, а потом спросить, можно ли.

Она тут же опускает виновато взгляд. Носик её дёргается, и я понимаю — вот-вот расплачется. Настя у меня очень чувствительная и ранимая. Стоит только повысить голос — и она тут же в слёзы.

— Но на первый раз закроем на это глаза, хорошо? — пытаюсь смягчить ситуацию, лишь бы малышка не разрыдалась посреди коридора. Она по-прежнему не поднимает головы, кивает и шмыгает носом. Я чувствую вину за свою строгость, но понимаю — по-другому нельзя.

Настя — мой смысл жизни. Если с ней что-то случится, я себе этого не прощу.

— Кушать хочешь? — начинаю издалека, пытаюсь разрядить напряжённую атмосферу. Но Настёна только мотает головой.

— Нет?

— Неть, — обиженно шепчет она, отворачиваясь. — Папа Маши дал пироженку и конфеты. И чай. Я не хочу кушать.

Плохо. Нужно покормить её и идти. Без меня она не сможет разогреть еду.

Может, прикинуться больной и не пойти на работу? А потом совесть сожрёт...

Кое-как дома уговариваю Настю немного поесть. Только после этого, со спокойной душой, иду работать дальше. Но осадочек на душе по-прежнему остался от выходки дочери и не отступает до самого вечера.

Рабочий день заканчивается, мы ужинаем, купаемся, ложимся спать. На следующий день я снова отвожу Настю в игровую комнату, читаю ей очередную лекцию о том, что нельзя ходить по гостям. Дочка хмурится, но соглашается, не спорит.

Потом снова работа, вечер, и я возвращаюсь домой к своей малышке. День сурка – не иначе.

Завтра у меня наконец-то выходной, и я смогу провести время с дочерью. Хочу напоследок сходить с ней в бассейн, пока Август будет на переговорах. Благодаря своей должности я немного знаю расписание Пятницкого, и могу немного погулять с дочерью по территории отеля.

А ещё надо сходить на дегустацию сыра, на их небольшую ферму неподалёку, на конюшню и прогуляться по площадке для гольфа. Я слышала, что там огромная территория, но никогда не была. Надо это исправить, но сначала бассейн и лошади.

Ух, как же мы проведём время вместе!

А пока вечером убираюсь в комнате, складываю игрушки в коробку. Вдруг взгляд цепляется за дочкин рюкзачок — из

него выпало что-то сверкающее.

Это что ещё такое?..

Нехорошее подозрение закрадывается в голову, и я молюсь, чтобы оно было ошибочным.

Поднимаю с пола золотые серёжки, которые я точно не покупала, и перевожу взгляд на сжавшуюся на кровати Настёну.

Только не говорите мне, что моя дочь стащила это?..

Глава 13. Август

– То есть ты сегодня практически был отцом двоих детей?
– уточняет Лиза, убирая весь бардак, который мы натворили. Она аккуратно собирает всё по шкатулкам и коробочкам, ловко наводя порядок в комнате, где только что царил настоящий хаос.

– Слишком громкие слова, – отмахиваюсь.

– Вторую не захотел? – Лиза лукаво стреляет глазами, в её голосе слышится игривый подтекст. Я сразу понимаю, на что она намекает, но внутри всё смешивается: не знаю, что и думать. Хочу ли я второго ребёнка? Вряд ли. Мне вполне хватает моей малышки. Может быть, когда-нибудь в будущем... И, кажется, именно об этом будущем сейчас говорит моя помощница.

– А я хочу сестрёнку, – вставляет свои пять копеек дочка, расчёсывая волосы своей кукле. В её голосе столько искренней радости, что я невольно улыбаюсь. – С Настей было весело.

– Если у тебя и появится сестрёнка, – мягко глажу её по плечикам, – то она будет младше тебя. А пока она вырастет, ваши интересы могут поменяться.

– Да? – она удивлённо хлопает ресницами, даже не задумываясь о таком повороте.

– Ага.

– Грустно тогда, – губы малышки дрожат, в глазах появляется тень разочарования.

Лиза по-прежнему стучит коробочками, проверяя, всё ли на своих местах. Она останавливается у шкатулки с украшениями, задумчиво открывает её.

– Мы там ничего не брали, – спешу её успокоить. Хоть в ней порядок наводить не надо.

– А, тут просто серёжек в виде цветочка нет. Ну, те самые Машины любимые, – говорит она, нахмурившись.

Я сразу вспоминаю эти серьги. Маша носила их почти не снимая – они были такие «девчачьи», нежные, с розовыми лепестками. Моя дочка обожает всё розовое и милое.

– Ты куда их дела? – играючи спрашиваю у малышки, не придавая особого значения. Скорее всего, она сняла их где-то в ванной, и теперь они валяются на полке.

– Не помню-ю-ю, – тянет она, стуча пальчиком по подбородку, делая вид, что очень задумалась.

– Потеряла, наверное, растяпа, – мягко журит её Лиза, но в её голосе столько тепла, что на ругань это совсем не похоже.

– Ладно, потом найдём. Я всё разобрала, пошла в душ. На улице такая жара была, я думала сдохну в этом городе.

– Шла бы сразу, я бы всё убрал, – улыбаюсь, лениво потягиваясь на кровати дочери.

– Нужна же этому месту женская рука, – с усмешкой бросает Лиза, проходя мимо нас, валяющихся на кровати. И правда, можем себе позволить немного расслабиться.

Девушка скрывается за дверью, а я подкладываю руку под голову, устраиваясь поудобнее рядом с дочкой.

– Ну, рассказывай, – тихо говорю я, глядя на неё.

– О чём? – она делает вид, что не понимает, но я вижу, как её щёчки начинают розоветь.

– Куда серьги дела? – спрашиваю чуть строже.

Малышка, явно не ожидая, что её так быстро раскроют, прячет взгляд и делает вид, что кукла вдруг стала интереснее меня.

– Я боюсь, что ты будешь ругаться, – шепчет она, теребя подол кукольного платья.

– А когда я тебя ругал? – усмехаюсь, пытаюсь вспомнить хоть один жёсткий момент, когда я делал это.

– Никогда, но в этот раз будешь, – её голос дрожит, она явно переживает.

– Сознавайся, я и слова не скажу, – обещаю я.

Она тяжело вздыхает, и она сильнее сжимает ткань платья.

– Я подарила их Насте, – наконец признаётся она, опуская голову.

Я ожидал чего угодно: что она их потеряла, что они упали в бассейн или даже в унитаз. Но то, что она подарила их новой подруге, меня удивляет.

– Они ей больше шли, – добавляет она, будто это должно всё объяснить.

– Ты моя доброта, – улыбаюсь я, не в силах поверить, что

воспитал такого щедрого и бескорыстного ребёнка. Я видел, как она делится игрушками, но чтобы золотыми украшениями...

– Ты не злишься? – она поднимает на меня свои большие светлые глаза, полные тревоги и надежды. В этот момент я понимаю, как сильно люблю её, и как горжусь тем, какой она растёт.

– Подарила и подарила, – успокаиваю её, стараясь улыбнуться. – Купим другие, не переживай.

– Правда? – щебечет она, и в ту же секунду кидается мне на шею, обнимая так крепко, что я едва могу дышать. – Папа лучший!

– Тихо, тихо, задушишь, – хриплю, пытаюсь вырваться из её стальных тисков, но в душе таю от счастья.

В ответ я начинаю щекотать её, и тут же получаю легкий шлёпок по лицу, но дочка, смеясь, с визгом соскакивает с меня и убегает в зал. А я остаюсь лежать на кровати, глядя ей вслед, и чувствую, как сердце наполняется теплом. Мой маленький лучик счастья.

Звонок телефона всё же вырывает меня из этого уюта, заставляя подняться и вернуться к рабочим делам. Проблемы никуда не исчезли, как и планы на будущее – они ждут меня, нависая тяжёлым грузом.

Освобождаюсь только к ночи. Принимаю душ, смывая усталость, и заваливаюсь в постель, но мысли всё ещё крутятся вокруг ситуации с серёжками. Не отругают ли Настю её

родители, когда увидят такой дорогой подарок? Я бы свою не отругал, но, наверное, попросил бы вернуть. Зачем? Я ведь сам могу купить ей всё, что угодно.

Эта ситуация не даёт мне покоя, гложет изнутри.

Вдруг в дверь тихо стучат.

Это не Маша – она обычно влетает без стука.

Лиза. Она осторожно приоткрывает дверь, входит в спальню в одной тонкой ночнушке. Плавно так, виляя бёдрами и явно готовая меня соблазнить.

Думаю об этом – и внутри всё скручивает. В голове словно крик появляется «нельзя».

– Не спишь ещё?

– Нет, как раз собирался, – отвечаю, приподнимаясь.

Она садится на край кровати, её пальчики легко скользят по моей ноге, будто невзначай.

– Я, конечно, знаю, что тороплюсь, учитывая, что мы даже не спим вместе, – шепчет она, опуская глаза. – Но я бы тоже хотела Маше сестрёнку. Или братика. Как получится.

Она не смотрит на меня, продолжает водить пальцами по моей коже, играючи, но в её движениях чувствуется неуверенность, страх быть отвергнутой.

– Надо подумать, Лиз, – говорю прямо.

– Думать? – она резко поднимает голову, её взгляд острый, полон обиды и боли. – Ты меня почти год маринуешь, Август. Если раньше я думала, что ты не можешь забыть бывшую, то сейчас... Что? Она опять не даёт тебе покоя?

– Не в бывшей дело, – выплёвывая. Одно упоминание об Арине как ножом по старой ране режет.

– А в чём тогда?

Я не могу ответить.

Душа к тебе не лежит? Да вроде бы лежит.

Если бы любил, мы бы давно перешли этот этап притирки, не мучились бы сомнениями.

Так почему? Может, и правда Арина всё ещё не выходит у меня из головы?

Лиза резко встаёт, понимая, что ответа не будет. В её глазах – разочарование и усталость.

– Моё терпение не вечное, Пятницкий. Я не собачонка, чтобы каждый день бегать за твоей ногой.

Она уходит, аккуратно прикрывая за собой дверь. Я сжимаю зубы, выключаю ночник, ощущая себя последним подлецом.

Знаю, что пора всё решить. Но если недавно я был готов к отношениям, к совместным ночам, к этой романтической суете...

Был готов. Пока снова не увидел Арину – ту, что не выходит из головы и заставляет сердце биться чаще.

Глава 14. Арина

Арина

– Вот, мне их подарили, – уверенно заявляет дочка в конце своего маленького рассказа. Её глаза сияют радостью, и она явно не подозревает, что этот подарок может стать причиной неприятностей.

Значит, эти серёжки ей подарила новая подруга. Малышка, конечно, не знает настоящей ценности таких вещей, вот и отдала их, не задумываясь ни на секунду. А что же подумают её родители? Вдруг решат, что моя дочка их украла? Какой ужас...

Нет, я в обиду её не дам!

– Их надо вернуть, – твёрдо говорю я, не испытывая злости к малышке. Это дети, им многое можно простить. Но мне совсем не хочется становиться участницей скандала, который может разгореться из-за этих серёжек.

Дойдёт ещё до Августа... И всё. Он узнает о Насте, которую вряд ли смогу теперь скрывать. Завтра выходной и я хочу погулять с ней по территории отеля. В последние дни нашего пребывания здесь должна же Настёна тут хоть что-то увидеть?

К тому же, мне совсем не хочется выглядеть нищей в глазах бывшего мужа. Деньги у меня есть, пусть и немного. Мы не нуждаемся, но и тратить всё бездумно не стоит.

– Вернуть? – с сожалением переспрашивает малышка, опуская голову и теребя край платья. – Они такие красивые...

– Я куплю тебе похожие, – мягко успокаиваю её, нежно глажу по плечикам, стараясь развеять её расстройство.

– Ну ладно... – всё ещё грустно соглашается она, с трудом сдерживая слёзы.

– А знаешь что, – вдруг в голову приходит идея, и я улыбаюсь. – Вы же завтра с Машей встречаетесь?

Они, наверное, уже заранее договорились о встрече. Но дочка пока не знает, что у меня завтра выходной, и я вообще думала не отводить её никуда. Хотелось бы выспаться, поваляться вместе, но...

– Да, – кивает она, с надеждой глядя на меня.

– У меня завтра выходной, и мы можем пригласить Машу в гости, если её родители не будут против. Ты согласна?

– Правда можно? – её глаза широко раскрываются, реснички дрожат, будто она не верит своему счастью.

Я не могу сказать ей, что скоро мы уедем и, возможно, она больше не увидит Машу. Может, она и догадывается, но мне не хочется портить ей настроение.

– Правда, – уверенно отвечаю я.

Моя малышка бросается мне на шею, крепко обнимает, и вся злость, тревога и усталость из-за этой ситуации с серёжками моментально улечиваются. Я таю, как мороженое под жарким солнцем, обнимаю свою девочку и целую её в щёчку.

Что только не сделаешь ради счастья своего ребёнка...

– Люблю свою мамулечку!

– И я тебя, котёнок.

Но главное для меня сейчас – вернуть этот дорогой подарок его настоящей владелице...

На следующий день мы всё же просыпаемся раньше обычного. По привычке отвожу дочку в детскую комнату, где ещё никого не было, а сама решаюсь прогуляться по территории отеля. Нужно зайти в магазин фермы неподалёку, купить свежего творога и приготовить девочкам что-нибудь вкусное. Ресторанная еда, конечно, хороша, но моей малышке больше всего нравятся блинчики с творогом, а здесь их не закажешь.

Но, как назло...

– Ещё не привозили. Будет после обеда, – сообщает Виталик по ту сторону холодильника, почесав макушку. – Могу позвонить вам, когда привезут.

– Буду очень благодарна, – мягко улыбаюсь ему, стараясь не показывать разочарования.

– А можно я завтра планёрку просплю? – вдруг хитро спрашивает он, лукаво прищурившись. Ах, хитрец! Решил воспользоваться моментом?

– Я-то прощу тебе этот маленький прогул, а вот Наталья...

– Эх, были бы вы у нас единственной Дженерал Менеджер... – мечтательно вздыхает он.

— Пока я только кривой заместитель управляющего, — смеюсь, вспоминая все свои промахи. Нет, отель мне доверять нельзя, я в этом деле совсем не разбираюсь. Даже образования нет. Считай, по блату. Поверхностно — да, но если копнуть глубже... Лучше даже не пробовать.

Не успеваю сказать Витале, что лучше не стоит прогуливать, как чувствую рядом только что подошедшего человека. Его запах тут же врезается в нос, и я напрягаюсь, как струна, даже спиной ощущая, кто это.

— Виталь, кинь творога полкило. Моя с утра устроила истерику, захотела запеканку творожную, — раздаётся знакомый голос. Он звучит буднично, спокойно, будто ничего особенного не происходит. Но я боюсь даже пошевелиться. Рефлекторно поднимаю голову, сама не зная зачем. Сразу вверх — прекрасно помню, какой этот человек высокий, настоящая машина.

Если бы Настя увидела сейчас своего отца, она бы точно растерялась...

А это именно он. Август, словно почувствовав мой взгляд, сам смотрит вниз. Его глаза на мгновение задерживаются на мне, и я ощущаю, как внутри всё сжимается.

Сколько лет прошло, а я так же узнаю тебя, не глядя.

— Простите, я вас не заметил... — начинает он, но тут же осекается, узнав меня. На губах появляется легкая усмешка, в голосе — привычная ирония: — Неудивительно, что не заметил. Забыл, какая ты маленькая.

Он скользит по мне взглядом с головы до ног, и я чувствую себя неуютно, словно стою перед ним беззащитная.

— Выходная сегодня? — спрашивает он, будто это не мы развелись со скандалом.

— Да, — отвечаю сипло, прочистить горло. В своём летнем сарафане я ощущаю себя уязвлённой, без своей униформы — как без брони. На работе она всегда помогала держать дистанцию, а здесь... Здесь я будто даю разрешение на обычные разговоры. Такие, какие у нас были в браке.

— Нет твораго, Август Викторович. После обеда будет, — вмешивается Виталя.

— Это ещё почему? — голос Августа становится жёстким, исчезает вся доброжелательность. Включается строгий начальник.

— Олег сказал, что поставка задержится, — пожимает плечами Виталя, говоря о фермере.

— Ясно, я свяжусь с ним.

— Я позвоню, как он всё привезёт.

Я не понимаю, почему продолжаю стоять и слушать их разговор. Тихонько, пока они не закончили, делаю вид, что мы чужие люди, и быстро отхожу от прилавка, стараясь не оглядываться.

Интересно, когда Август покинет отель? Вот бы он куда-нибудь свалил, чтобы мы с дочкой могли спокойно погулять. Особенно хочется искупаться в бассейне. Как только думаю о прохладной воде в такую жару, становится легче.

Когда же Настёна уже напишет?..

Пока есть время, гуляю в тишине. Вышагиваю по асфальтированной дорожке, стараясь ни о чём не думать. Плюсы работы — на такие мысли просто не оставалось времени. А теперь они лезут и лезут, не давая покоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.